

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Василий ГОРЬ

ПРОЕКТ ЗЕН

Василий Горь Проект Зен

Серия «Новый фантастический боевик (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23796802

Проект Зен: [фантастический роман] / Василий Горь: Эксмо; Москва;

2017

ISBN 978-5-699-96186-3

Аннотация

Звездная Федерация покоится на трех китах: государственной власти, крупном бизнесе и спецслужбах. И все они находятся в состоянии тайного, а порою и явного противостояния. В самой гуще этой схватки оказывается морпех Роберт Рид, получивший в результате эксперимента сверхспособности. Он один на один выходит против всемогущей мегакорпорации «Генетика». И исход схватки не предрешен...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	74
Глава 7	85
Глава 8	96
Глава 9	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Василий Горь

Проект Зен

© Горь В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Глава 1

Роберт Рид

...Лидер, тяжелый бот огневой поддержки «Сколопендра» последней модификации, вывалился из облаков ровно в четыре пятнадцать дня. Такой ерундой, как соблюдение правил полетов по каким-то там посадочным коридорам, пилот заморачиваться не стал – неторопливо развернулся над блоком «С», прошел над участком упокоения D-4 и, почти притеревшись к крыше центра психологической помощи, завис над посадочным квадратом родового склепа Жиффаров-Пресли. После чего, даже не успев встать на посадочные опоры, врубил «Пелену». Причем не абы как, а в самом параноидальном режиме. Результаты не заставили себя ждать. Сначала с грохотом упала на брюхо ярко-красная спортивная «Brezza», до того кокетливо покачивавшаяся на стояночном антиграве, а затем окаменели бодигарды ВИП-персон, собравшихся перед склепом. Еще бы – пусть и очень навороченные, но все-таки гражданские «Панцири», в которые облачались эти парни, не были рассчитаны на противодействие армейским системам подавления, поэтому сразу же лишились «мозгов» и превратили своих хозяев в статуи. Следом за телохранителями зацепило и не самых опытных спутниц сильных мира сего. Привыкшие жить в социальных сетях,

в виртуальных примерочных модных фэшен-корпораций и в своих онлайн-овых «гостиных», эти дамы растеряннo пытались «поднять» упавшие странички, ибо не представляли жизни вне Сети. Само собой, пытались безуспешно. А вот многочисленные журналисты, получившие аккредитацию на важнейшее мероприятие месяца, среагировали на внезапную пропажу связи довольно спокойно, если не сказать равнодушно. Съевшие не одну собаку на общении с представителями как государственных, так и частных служб безопасности, они давно привыкли к ограничениям, навязываемым их рабочим искинам «Пеленой» и ее более дешевыми аналогами.

Впрочем, бардак закончился довольно быстро. Эдак через минуту после того, как включившийся в работу «Поводырь» «Сколопендры» предложил каждому искину, находящемуся в радиусе двухсот метров от бота, возможность работы в режиме ведомого. И, получив согласие, взял под полный контроль все имеющиеся в наличии аналитические блоки, системы вооружения, обнаружения, связи и т. д.

Ну а меня сие непотребство вообще не зацепило. Ведь я «скорбел» над могилой «родственников» более чем в полутора километрах от склепа. Ну, и, до кучи, пользовался возможностями имплантата класса «XJ-000», которому пусть и специальные, но все-таки гражданские подавители были до одного места...

...Обезопасив хозяина от возможной агрессии со сторо-

ны родственников, друзей, знакомых и не знакомых, поэтому потенциально опасных гостей, телохранители сенатора Аллена Максимилиана Жиффара-Пресли продолжили защитные мероприятия. Сначала «Поводырь», используя коды доступа Сената, переподчинил себе ближайшие спутники МВБ¹. А затем рядовые бойцы выпустили наружу целую тучу микроботов и с их помощью провели еще и визуальную идентификацию гостей. После пробивки последних по базам данных парни проверили склеп и прилегающую к нему территорию на предмет наличия активных или пассивных электронных цепей, взрывчатки, токсичных или радиоактивных веществ, просканировали несущие конструкции, имеющиеся в наличии сети коммуникаций и т. д. А когда убедились, что никаких сюрпризов не предвидится, доложили об отсутствии опасности своему начальству. После чего быстро рассыпались по точкам, рекомендованным тактическим комплексом «Сколопендры», и тоже превратились в статуи. Только, в отличие от «гражданских» способные передвигаться, эти были вооружены до зубов и могли встретить любого злоумышленника крайне недружественным огнем.

В четыре сорок девять – довольно оперативно, на мой взгляд, – из облаков вывалился весьма плотный «кактус»² из

---

¹ МВБ – министерство внутренней безопасности.

² «Кактус» – жаргонное название метода сопровождения машины ВИП-персоны, при котором боты охраны прикрывают ее со всех сторон – сверху, снизу, справа, слева, спереди и сзади.

семи флаеров. И, держась в самом центре посадочного коридора, начал плавно замедляться. Летел солидно, если, конечно, можно назвать солидным полет по верхней грани скоростного режима, рекомендованного наставлением по перевозке VIP-персон. Но без рысканий по курсу, крену и тангажу.

Момент, когда лимузин «TVR – Prestige», охраняемый аж шестью тяжелыми ботами огневой поддержки, завис над точкой финиша, ознаменовался забавным происшествием: совсем молоденькая рыжеволосая девица, вероятнее всего, никогда не бывавшая на мероприятиях такого уровня, захотела сделать «селфи» на фоне эксклюзивного, а потому узнаваемого всеми и вся флаера Аллена Жиффара-Пресли. «Поводырь» лидера, продолжавший пребывать в параноидальном режиме, естественно, зафиксировал взлет только что включившегося, а потому не успевшего прописаться в его сети устройства. И начал действовать согласно требованиям соответствующего протокола. В результате мини-бот для аудио- и видеосъемки модели «Ангелок», вспорхнувший над плечом девушки, мгновенно превратился в кучу высокотехнологичной пыли. Ну а его хозяйка, ослепленная направленной световой вспышкой и сбита с ног сразу двумя громилами в «Панцирях» продвинутых модификаций, на некоторое время ощутила себя опасным преступником. Со всеми вытекающими вроде предельно жестко заломленных конечностей и возможностью почувствовать все «радости» профес-

сионального обыска.

Дождаться, пока бодигарды завершат процедуру лично-го досмотра «террористки», сенатор не стал. Скорее всего, потому, что оказывался в подобной ситуации не первый раз и понимал, что несостоявшееся «покушение» – следствие самого обычного идиотизма. Поэтому практически сразу же выбрался на роскошный *натуральный* ковер, постеленный на пластобетон, и обвел орлиным взглядом собравшуюся публику.

Появление его перед народом получилось эффектнее некуда: модный траурный костюм розового цвета с черной вышивкой по обшлагам рукавов и краям лацканов вызвал ажиотаж у женщин и представителей альтернативной сексуальной ориентации. Ну а тех, кто привык исповедовать традиционные ценности, шокировал. Правда, не настолько сильно, чтобы они решились высказать Жиффару-Пресли свое «фи».

Дав электорату полюбоваться на себя любимого и расчетливо позволив прочувствовать всю глубину испытываемых им чувств, сенатор промокнул уголки глаз платком в тон костюма и, как бы невзначай потеряв левую часть груди, походкой обреченного на смерть двинулся к родовому склепу.

Вламываться к могиле матери вместе с телохранителями и многочисленной свитой он, как было и в прошлые годы, считал неразумным. Поэтому, добравшись до ажурных кованых ворот ручной работы, распахнутых настежь одним из

крайне суетливых сопровождающих, повелительно шевельнул правой рукой и в гордом одиночестве зашагал по дорожке, вымощенной полированными плитками из розового мрамора. На ходу, само собой, продолжал работать на публику – каждый следующий шаг, приближающий к склепу, «давался» ему все тяжелее и тяжелее. А самый последний, через порог, сенатор-страдалец сделал с таким видом, как будто нес на своих плечах полутонный груз.

По большому счету особой необходимости контролировать поведение Аллена Максимилиана Жиффара-Пресли внутри родовой усыпальницы у меня не было. Но девяносто девять и девять десятых обывателей, оказавшихся на моем месте, обязательно полезли бы в Сеть, дабы увидеть финальный акт церемонии. Поэтому я быстренько подключился к первому попавшемуся новостному сайту и вывесил перед собой изображение с одной из фронтальных камер...

Сенатор скорбел. Нет, не так – сенатор изнемогал от горя. Его фирменная улыбка, знакомая всем и каждому по набившим оскомину рекламным голограммам и постерам, канула в Лету. Благожелательный, понимающий и обещающий светлое будущее всем и каждому взгляд – тоже. А на смену им пришли Незатихающая Боль Утраты, Запредельное Отчаяние и Ужасающее Одиночество! Видимо, поэтому последние шесть шагов до статуи матери дались Жиффару-Пресли в разы сложнее, чем Иисусу из Назарета весь путь на Голгофу. И ничего удивительного в этом лично я не видел – у Сына Бо-

жьего не было целого сонма высокооплачиваемых психологов, сценаристов и стилистов, всем скопом работающих над созданием и поддержанием правильного имиджа. А у Аллена Максимилиана они были! И отрабатывали свои тридцать сребреников... в смысле, ели свой хлеб не зря – каждый жест, каждая тень эмоций, демонстрируемые «пастве» их клиентом, внушали доверие. Настолько, насколько его в принципе можно было внушить людям, до смерти уставшим от вечного притворства политиков.

Проникся даже я. Ну так, слегка. Поэтому среагировал на вспышку ярко-белого света так же, как все остальные зрители. То есть рефлекторно зажмурился, затем отшатнулся и, с трудом удержав равновесие, грязно выругался. А вытаращил глаза уже потом, когда вывалился из Сети, услышал чуть запоздавший звук взрыва, увидел стремительно расширяющееся темное облако, возникшее на месте склепа, и понял, что летящее в мою сторону перламутровое пятно – беспорядочно кувыркающийся в воздухе спортивный «Спидстер»!

Испугался, как же без этого? Поэтому вскочил на ноги чуть ли не раньше, чем упал, сбитый с ног ударной волной. И вместе с сотнями мне подобных в панике рванул сначала куда подальше, а потом и к стоянке флаеров. Даже не подумав о том, что где-то там, сзади, заходятся в криках раненые. И одно нажатие на тревожный сенсор комма может удержать кого-то из них на грани небытия...

...Полтора месяца подготовки и старания группы поддержки даром не прошли – через четыре стандартных кольца введенного властями режима «Перехват» я просочился, как вода сквозь сито. А спустя уже восемь часов двадцать две минуты после позорного бегства с кладбища оказался на противоположном конце континента. На стоянке айрбайков небольшого городка под названием Аплтон.

Старенький невзрачный «Торнадо», принадлежавший владельцу моего следующего образа, оказался на месте. Да и чего бы ему теряться, если выглядел он кое-как собранной грудой металлолома?

Похлопав трудягу по обшарпанному обтекателю, я хмуро посмотрел на штырь парковочного терминала, поскреб небритую щеку и, смачно сплюнув на пластобетон, все-таки перечислил натакавшие сто четырнадцать кредитов грабителям из «Интеко».

– Правильно, сынок! – хохотнул терминал голосом злодея из какого-нибудь бюджетного головидео. – Кредиты приходят и уходят, а за решеткой... грустно!

– Я бы так не сказал... – продолжая работать на образ, угрюмо ответил я и коснулся пальцем сенсора активации байка. – В тюрьмах есть то, чего не хватает этому долбаному миру!

– И что же? – удивленно поинтересовался голос.

– Стабильность! – нехотя буркнул я. Потом подумал и добавил для особо непонятливых: – Там кормят. Каждый день.

Завтраком, обедом и ужином. А еще там всегда есть где переночевать...

Оспаривать эти утверждения было глупо, поэтому мой невидимый собеседник промолчал. Вернее, как-то уж очень угрюмо пожелал мне доброго пути и отключился. А я, натянув шлем и дав на движки самую малую тягу, поднял айр-байк на положенные десять метров, кое-как дотелепал до начала разгонного коридора и пристроился к корме тяжелой грузовой «Формики» с огромным голографическим логотипом корпорации «Genetica» во весь корпус.

Мазнув взглядом по ненавистному слогану «Меняй мир вместе с нами», я чуть придавил ручку, и мой одр, дергаясь и фоя на всю округу, пошел на обгон. Нет, не пошел, а пополз. Ибо с той смехотворной мощностью, которую выдавали движки древнего байка, обогнать трейлер удалось аж за пятьдесят семь секунд!

Естественно, сие невероятное достижение не могло остаться незамеченным, и пилот «Формики» издевательски мигнул мне вслед курсовыми огнями. Продолжая отыгрывать роль, я поднял вверх правый кулак и отогнул средний палец. А через полторы минуты, когда на панели управления «Торнадо» погасла пиктограмма удаленного контроля, был вынужден вильнуть в сторону, чтобы не отправиться к праотцам от удара в задний обтекатель.

Обложив многоэтажным матом стремительно удаляющийся грузовик, я выполз на магистраль М-17, перестроил-

ся эшелонном выше и включил автопилот. После чего откинул спинку кресла в горизонтальное положение и затемнил линзу шлема.

Перелет Аплтон – Колдспринг прошел штатно, без каких-либо приключений. Байк героически боролся с подступающей старостью, его автопилот старательно соблюдал скоростной режим, а я висел в Сети. Нет, не на новостных сайтах, посетители которых наверняка проверялись искинами полиции и МВБ, а в номере виртуального борделя «Золотой лотос», где лениво флиртовал с красоткой по имени Эмми Вонг. Точнее, выпрашивал у нее свежий ролик из серии «Home-video».

Увы, выпрашивал безрезультатно: девушка, успевшая оценить мою крайне невысокую кредитоспособность, пребывала не в самом радужном настроении и усиленно отбрыкивалась. А когда я попытался воззвать к ее совести, вдруг придралась к какой-то не особенно удачной формулировке и вообще разорвала связь. Очень вовремя. Ибо буквально через полминуты мой «Торнадо» вошел в зону ответственности искина Колдспрингской базы морской пехоты и, попав в цепкие лапы ее СУВД³, приземлился. Причем без моего участия. И не куда-нибудь, а на стоянку у бара «Мэри-Лу»!

Оспаривать решения и действия начальства я себе никогда не позволял, поэтому покорно приткнул байк к штырю парковочного терминала, вырубил движки, снял шлем,

---

³ СУВД – система управления воздушным движением.

в сердцах обложил Эмми по матери и поплелся к боковой двери одной из самых тошнотных забегающих на планете.

Лифт, ведущий в подземную бильярдную, как всегда, благоухал. И далеко не духами – кто-то из благодарных клиентов пожалел кредита на посещение туалета и справил нужду в кабинке. Причем не абы как, а «освежив» потрепанную основу рекламной голограммы какого-то салона экстремальных удовольствий, почему-то наклеенную на уровне колена.

Мысленно обозвав парней из отдела обеспечения специальных операций долбаными реалистами, я привычно ткнул пальцем сразу в три оплавленных сенсора с номерами этажей, выждал семь секунд, затем убрал руку и наступил правым ботинком на ярко-желтое пятно из синтетической жвачки, изящно декорирующее правый дальний угол. Четыре секунды ожидания – и лифт, к этому времени успевший спуститься метра на четыре, ощутимо ускорился. А еще через некоторое время резко затормозил. И выпустил меня в небольшой тамбур перед мощной бронированной дверью.

– Сержант-майор Роберт Рид! – отчеканил я, уставившись в сенсоры универсального идентификатора, появившегося из-за скользнувшей в сторону фальшпанели. – Личный номер каппа ипсилон триста шестьдесят девять семьсот тридцать двести тридцать один!

Коротенькая вспышка сине-зеленого цвета, неприятно ударившая по глазам, – и искин базы, удовлетворенный результатами сканирования, сдвинул в сторону бронеплиту,

способную выдержать прямое попадание бетонобойной бомбы. Затем высветил на полу алый пунктир и приятным женским голосом попросил:

– Будьте любезны двигаться по красной световой дорожке, сэр!

Размазываться по полу или потолку от локального изменения силы или вектора гравитации мне совершенно не улыбалось, поэтому я послушно двинулся туда, куда посылали. Дошел до первого перекрестка, повернул направо и мысленно присвистнул – вместо того чтобы отправить меня в подземный лабиринт, обычно используемый инструкторами в качестве дополнительного полигона для отработки всего, что можно и нельзя, пунктир уперся в дверь, ведущую к транспортному терминалу! Искренне порадовавшись приятному сюрпризу, я подошел к очередному сенсору, дождался окончания чуть более сложной идентификации личности, нырнул в нутро десятиместного модуля, упал в ближайшее кресло и торопливо пристегнулся. По полной программе. Дабы не провоцировать Садюгу на какую-нибудь «милую» шутку.

Как это ни странно, искин отдельного разведывательного батальона шестой дивизии морской пехоты ФНС⁴ не «перепутал» направление движения, не закрутил модуль винтом и не рванул с места с запредельным ускорением, дабы протестировать мою дисциплинированность, реакцию или текущее состояние вестибулярного аппарата. Наоборот, аккурат-

---

⁴ ФНС – Федерация Независимых Систем.

но закрыв и загерметизировав дверь, он плавно подал «со-сиску» вперед и даже включил головидео выступления Кортни Хейз! Да-да, то самое, на котором певица вышла на публику в практически прозрачном платье от Алессандро Монтанари!

Здесь, на территории базы и под присмотром Садюги, поддерживать какие-либо образы не было необходимости, поэтому я равнодушно скользнул взглядом по модифицированным прелестям топ-звезды, дотронулся до сенсора выключения голопроектора и устало прикрыл глаза.

Вопреки моим ожиданиям шестиминутная активная медитация особого отдохновения не принесла, поэтому, когда модуль остановился и без каких-либо издевательств высадил меня перед лифтом, ведущим в штаб базы, я чувствовал все те же усталость и опустошение, что и перед посадкой. Тем не менее в очередной лифт вошел бодренько. И так же бодренько вышел из него там, где меня высадили. То есть перед кабинетом первого лейтенанта Джозефа Симмонса.

Зная, что Кайман не любит изображать большое начальство и никогда никого не держит в коридоре без настоящей необходимости, я покосился на зеленую полосу, горящую на информационном табло, и дотронулся ладонью до сканера.

– Входи, Робби! – донеслось из динамиков акустической системы, и я, сделав четыре шага, вытянулся по стойке «смирно».

– Господин первый лейтенант, сержант-майор Роберт Рид...

– Располагайся! – прервав мой доклад, коротко бросил представитель ССО⁵ и мотнул головой в сторону мягкого кожаного дивана совершенно не армейской расцветки.

Я сел, положил левую руку на мягкий подлокотник и впросительно уставился на Каймана.

– Гибель Жиффара-Пресли подтверждена четырьмя независимыми источниками. КР⁶ акции достиг девятнадцати единиц и продолжает расти... – довольно потеряв руки, сообщил он. – Еще бы: на месте взрыва найдены обломки «варварского» механического взрывателя и микрочастицы сверхсекретного ВВ производства Российской Империи; в одиннадцатом округе сотрудники Бюро⁷ обнаружили обезображенный труп предполагаемого убийцы, а расчетные характеристики траектории старта уиндера группы подстраховки, «обрубившей хвосты», однозначно свидетельствуют о том, что она прыгнула в Серые Сектора!

Я пожал плечами – мол, сделал лишь то, что от меня требовалось, и ничего более.

Увидев такое скупое проявление эмоций, Симмонс оскалится. Мгновенно став похожим на ту самую рептилию, в

---

⁵ ССО – Служба специальных операций Военно-космических сил (далее ВКС).

⁶ КР – коэффициент резонанса.

⁷ Бюро – сокращенно название бюро расследований резонансных дел министерства внутренней безопасности.

честь которой его и прозвали.

– Ты уже анализировал последствия трагической гибели господина Аллена?

– Никак нет, сэр, от меня требовались только планирование акции и ее качественное исполнение.

Взгляд первого лейтенанта подернулся ледком.

– Робби, не строй из себя клинического идиота и скажи, как, по-твоему, сенаторы отреагируют на смерть Жиффара-Пресли?!

Идиотом я, конечно же, не был. Поэтому прекрасно понимал, что смерть члена комитета по вооружению, последние полгода усиленно лоббировавшего проект постройки двенадцати тяжелых линкоров класса «Гурон», всего лишь камешек, расчетливо брошенный на снежный склон в нужное время и в нужном месте. А той самой лавиной, которая заставит Сенат поддержать мнение погибшего «патриота» и открыть финансирование постройки дорогуших космических кораблей, станет тщательно спланированная пиар-акция, стеновым хребтом которой будет созданный мною ложный след. Однако признаваться в том, что я догадываюсь, будто настоящим заказчиком акции является не правительство, а корпорация «BAE-EADS-Systems», было равнозначно требованию отправить себя любимого на электрический стул.

– Простите, сэр, но я не аналитик, а самый обычный исполнитель!

– Обычный?! С боевой эффективностью в девяносто семь и шестьдесят три сотых процента?! – взбеленился Кайман, но почувствовал, что я твердо намерен стоять на своем, и мгновенно остыл: – Ладно, «исполнитель», свободен. Да, чуть не забыл: принято решение выплатить тебе премию в размере трехсот процентов должностного оклада...

Глава 2

Лэрри Акина Болдуин

...Система генерации 3D-иллюзии древнего как мир тренажера «Марафонец» дышала на ладан. Нет, жестко прописанные в программе объекты первого плана, такие как квотербек номер один НФЛ Лесли Мак-Алистер, «догоняющий» Лэрри на седьмой минуте пробежки и далее задающий темп, или бывшая одноклассница Мегги Торнтон, «невеста с чего» попадающаяся на пути на четырнадцатой и дуреющая от зависти, отображались более-менее корректно. А все остальное... все остальное можно было называть иллюзией лишь с очень большой натяжкой. Ибо в среднем раз в сорок-пятьдесят секунд изображение начинало сбоить. В результате вместо посыпанной гравием беговой дорожки, вьющейся вдоль пляжа Сансет-Бич, под ногами протаивала полосатая металлопластовая лента. Сквозь изумрудную гладь океана, белый песок, разноцветные лежаки, зонты и фигуры отдыхающих то и дело проглядывали обшарпанные стальные панели подсобки. А под голубым небом, белоснежными чайками и ярко-оранжевым утренним солнышком угадывались потеки на низком потолке. Тем не менее даже такой ущербный фон радовал девушку намного больше, чем до смерти надоевшие «укромные» уголки ресторана, регулярно сменя-

ющие друг друга на выдавшем виды мониторе системы наблюдения. Поэтому она наматывала километр за километром, вглядывалась в иллюзорные фасады домов, обводы пролетающих мимо флаеров и лица прохожих и стоически не замечала ни изъянов видеоряда, ни некоторого однообразия в репликах и поведенческих реакциях «знакомых». А моментами настолько погружалась в выдуманный мир, что умудрялась забыть о том, что мелькающая впереди спина Лесли Урагана – лишь стимул, позволяющий ей перешагивать через свое «не могу» и заставляющий хоть на какое-то время забывать о серости реальной жизни.

Увы, в этот день эта самая серость напомнила о себе раньше, чем обычно: когда из-за раскидистой пальмы, растущей напротив центрального входа в отель «Эксельсиор», показалась сгорбленная фигурка миссис Лемье, иллюзия вдруг погасла, а на центральном мониторе возникло вполне реальное лицо Стефани Финч:

– Ки-ин?

Использованное ею сокращение второго имени Лэрри было лучшим индикатором настроения тетушки, поэтому девушка шлепнула ладонью по сенсору выключения программы и угрюмо поинтересовалась:

– Что случилось на этот раз?

Стефани опустила взгляд:

– Накрылся сепаратор ЦСД...⁸

---

⁸ ЦСД – централизованная система доставки.

– А если подумать?

Стефани поджала нижнюю губу, а через несколько секунд все-таки ответила:

– Ну... только что позвонил Билли. Сказал, что прилетит часам к одиннадцати...

– И, небось, не один?

Тетушка раздраженно кивнула:

– Угу. С друзьями.

Новость была не из приятных, поэтому ответ получился суховатый:

– Поняла.

– Я... я не знаю, почему он к нам зачастил! Честное слово! – виновато затараторила Финч. – Поверь, если бы я могла...

«А чего бы ему не зачастить? – спрыгивая с почти остановившейся дорожки, мрачно подумала девушка. – Тут кормят, поят, ублажают. И молчат, что ни вытворяй. Рай, да и только!»

Само собой, озвучила она совсем другое:

– Я понимаю... Правда... Не грузись...

Потом подхватила с гимнастической скамьи полотенце, наскоро вытерла вспотевшее лицо и, не оглядываясь, вышла в коридор...

...Проблема с сепаратором централизованной системы доставки возникала, можно сказать, регулярно. До предела изношенный узел давно выработал предел прочности и отка-

зывал чуть ли не каждый раз, когда в «Звездный приют» приходил крупногабаритный заказ. В принципе, решать ее надо было радикально, заменив сепаратор на новый. Тем более что согласно сопроводительной документации он был неремонтопригодным. Однако финансовые возможности хозяйки «Усталого путника» не позволяли одновременно потратить двадцать шесть с лишним тысяч кредитов пусть даже и на очень нужную, но слишком дорогую железяку, поэтому сепаратор приходилось реанимировать.

Надо ли говорить, что технологию починки Лэрри отработала до автоматизма и при большом желании, наверное, смогла бы разобрать и собрать узел с закрытыми глазами? Слава богу, таких подвигов от нее не требовали, поэтому обычно она не торопилась. И убивала на все про все порядка трех часов. Почему так много? Да потому, что перед тем, как начать ремонт сепаратора, требовалось связаться с сервером доставки и программно заблокировать возможность получения следующего контейнера. Затем демонтировать обе направляющие, защитную крышку шахты и блок с микродвигателями, подогнать робот-погрузчик, с помощью его манипулятора высвободить и вытащить наружу крупногабаритный и не особо легкий груз. Потом переместить последний в локальную сеть доставки ресторана и внести соответствующие поправки в программную оболочку рабочего искина. А после замены сломавшейся детали вернуть все, кроме контейнера, в начальное состояние, и т. д. и т. п.

В этот раз причиной поломки стал двухсотлитровый металлический баллон с пивом не самой известной, зато очень дешевой марки «Four». Сдвинув защитную крышку шахты и увидев размеры емкости, увенчанные хорошо знакомым логотипом, Лэрри грязно выругалась и мысленно застонала – не далее как на предыдущей неделе она лично вбивала в бланк заказа четыре баллона по пятьдесят литров каждый! Четыре по пятьдесят, а не один по двести!!!

«В следующий раз надо заказывать доставку пива с разбивкой по дням... – мелькнуло на краю сознания. – И жестко оговорить штрафные санкции...»

Мысль была дельной, но особой радости не доставила, и девушка, вздохнув, принялась за дело.

«В следующий раз и закажу, и оговорю, а пока...»

Руки выполняли привычные операции почти без участия головы, и часа через два с половиной, заменив поврежденные детали и начав собирать сепаратор, Лэрри невольно вспомнила самый первый ремонт. Тот, во время которого она перелопатила чуть ли не всю техническую документацию на продукцию компании «NasCo», переломала все ногти на обеих руках, наревелась на полгода вперед, потратила четыреста шестьдесят кредитов из тысячи, выделенной Стефани на ремонт, на совершенно ненужные детали, после чего убедилась, что невозможное все-таки возможно. Если, конечно, очень захотеть.

Воспоминания о тех безумных сутках вызвали улыбку, и

девушка, слегка расслабившись, вывела на настенные панели изображение с трех обзорных камер большого зала ресторана.

Несмотря на будний день, клиентов было предостаточно. Шесть из пятнадцати столиков занимали операторы погрузочных роботов, недавно отработавшие смену. Вымотавшиеся до безобразия за двенадцать часов каторжного труда, эти парни тупо пялились на голоэкран, транслирующий соревнования по суперболу, и, толком не разговаривая, накачивались пивом. Еще три столика оккупировали таможенники. Эти веселились на славу – напрягающиеся только во время досмотра межсистемных кораблей, они выглядели бодрыми и довольными жизнью, поэтому ели от пуза, пили неплохое вино и с интересом поглядывали на единственную женщину в помещении – Стефани.

Парни из охраны космодрома, сгрудившиеся вокруг двух сдвинутых столиков в дальнем конце зала, не пили вообще. Ибо старательно делали вид, что внимательно слушают что-то вещающее им мелкое начальство, а сами, вероятнее всего, мечтали, чтобы оно побыстрее заткнулось и свалило. Их сосед, до безумия неуверенный в себе парень лет двадцати двух, по слухам, работающий системным администратором в компании, занимающейся продажей мелкой бытовой техники, тоже не пил. И не ел: штатный воздыхатель любимой тетушки, прибегающий в ресторан каждый божий день, он не сводил с нее влюбленного взгляда и, судя по крайне дурному

выражению лица, мечтал о чем-нибудь вроде ночи любви.

Мазнув взглядом по его «одухотворенному» лицу, девушка, наконец, посмотрела на Стефани и сочувственно вздохнула: судя по тому, что тетушка то и дело дотрагивалась до крестика в правом ухе и нервно облизывала губы, до появления Билли оставались считанные минуты.

«Бедная...» – невольно подумала Лэрри. А потом вывела на один из экранов сигнал с оптического датчика, расположенного на крыше ресторана. «Полюбовалась» на припаркованные как попало потрепанные флаеры работяг, оценила хищные обводы «Раптора», вероятнее всего, принадлежащего тому, кто строил таможенников, а затем на некоторое время выпала из реальности, уставившись на место, на котором еще недавно парковали флаер покойного дяди Энди.

Перед глазами мелькали обрывки воспоминаний: призрачное марево воздуха над раскаленными движками только что приземлившегося «Эль Дьябло», Эн-Эф⁹, уткнувшийся носом в волосы Стефани, и его широченная ладонь, нежно поглаживающая узенькую спину жены. Все тот же дядя Энди, но только забросивший дрыгающую ногами супругу на плечо и с хохотом несущийся к флаеру. И, конечно же, тяжелый штурмовой бот с крейсера «Аризона», грозно нависший над стоянкой; каменное лицо офицера ВКС, затаенного в идеально выглаженную Blue-White¹⁰, и срывающиеся с

---

⁹ Эн-Эф – сокращенное от Энди Финч.

¹⁰ Blue-White – жаргонное название летней парадной формы офицеров ВКС.

его губ слова «...героически погиб, защищая идеалы демократии».

– С-суки... – в сердцах бросила Лэрри, поудобнее перехватила пневмопистолет и вернулась к работе. А минут через двадцать, прикрутив на место защитную крышку и снова посмотрев на экран, выругалась куда изощреннее: на месте проданного за долги флаера дяди Энди уже висел полицейский «Хамви»!

Заниматься чем бы то ни было сразу же расхотелось. Напрочь. Но Лэрри все-таки заставила себя прогнать проверочные тесты, связаться с сервером доставки и т. д. и лишь только после этого разрешила себе подключиться к сигналу камеры, расположенной в ВИП-зале.

Гостей, вернее, хозяев жизни, заявившихся поужинать, а заодно и повеселиться, оказалось четверо. Сержант Билл Морриган, бритый наголо двухметровый громила с холодными глазами патологического убийцы, мощной шеей, широченными плечами и руками, поросшими густым рыжим волосом. Его бессменный напарник Стив Хейс, невысокий, но жилистый и быстрый, как молния, мужчина лет тридцати – тридцати двух, настороженно поглядывающий по сторонам. И два незнакомых офицера, во взглядах и жестах которых тоже чувствовалась привычка повелевать.

Полицейские пребывали в великолепнейшем настроении. Хейс, усевшийся на стул задом наперед и, по своему обыкновению, усиленно размахивавший руками, скорее всего, рас-

сказывал что-то крайне веселое, так как черноволосый здоровяк, внешне чем-то похожий на главного героя нашумевшего сериала «Конкистадор» Энрике Эскудо, периодически задирает голову к потолку и жизнерадостно ржал. Его сосед, коренастый брюнет с крайне неприятным лицом и бегающим взглядом, тоже скалился. Иногда. Правда, при этом смотрел на окружающих с таким видом, как будто раздумывал, не вытащить ли из кобуры импульсник и не разрядить ли его в кого-нибудь. А Билли... Билли делал заказ. Естественно, не через монитор киберофицианта, а лично. Диктуя его стоящей рядом Стефани. А его рука при этом по-хозяйски оглаживала то ее правое бедро, то спину, то ягодицы.

– Какая же ты тварь!!! – прошипела Лэрри, решительно выключила все экраны, проверила, насколько хорошо заперта дверь, затем раскатала по полу пластиковый коврик, бросила на него стопку чистых полотенец и принялась раздеваться: – Заниматься не хочу и не буду. Читать и играть – тоже. Что остается? Правильно, спать. Прямо здесь. Ибо жрать уже поздновато, а искать меня в подвале ему и в голову не придет...

Глава 3

Роберт Рид

...Вылетев из-за угла коридора, разведывательный мини-дрон «Гнус» не прожил и секунды. Но информации, переданной им на мой ТК¹¹, хватило, чтобы развернуться на месте и ломануться обратно. Еще бы, ведь по обе стороны от переборки, разделяющей сектора Бета и Гамма, хищно поводили восьмиствольными «клювами» скорострельные роторные пулеметы «Nuova-Gatling», способные в считанные мгновения превратить в мелкодисперсную пыль любой, даже самый навороченный, скаф. Заламывать руки и заливать слезами из-за того, что на станции «Солара-III» по определению не могло быть оружия такого типа, я не собирался. И уходить несолоно хлебавши – тоже. Поэтому добрался до предыдущего отсека, в котором основательно порезвился чуть раньше, присел рядом с остовом малого штурмового дройда «Гном», а через миг... оказался на потолке. Вместе с нужной мне железякой и всем тем мусором, который меня окружал.

К очередному изменению вектора гравитации я отнесся философски – искин станции, старательно следующий алгоритмам программы защиты, регулярно «радовал» меня по-

---

¹¹ ТК – тактический комплекс.

добными изысками. Поэтому я зафиксировал корпус дройда относительно своего скафандра сервисным силовым захватом, тремя короткими и точно выверенными импульсами лазера нагрел нужные области на крышке его «мозга» и, откинув в сторону отвалившийся кусок брони, сжег к чертовой матери крохотный бугорок, изображавший неровность сварного шва.

«Гном», до этого момента из последних сил пытавшийся сканировать окружающее пространство и щелкать приводами покореженных манипуляторов, тут же перешел в режим внешнего тестирования, что позволило мне внести в управляющие программы кое-какие изменения. В результате моих действий калека послушно отстрелил остатки оплавленного антиграва и изуродованных оружейных пилонов. После чего, чуть поверещав от возмущения, позволил присобачить к себе движки от «Гоблина», валявшиеся неподалеку.

Делом своих рук я полюбовался после очередной смены пола с потолком. Затем навесил на получившееся чудо-юдо сразу три фронтальные бронеплиты, официально запрещенной, но на редкость действенной последовательностью управляющих команд как следует «раскачал» мини-реактор и отправил дройд на встречу с вечностью. В смысле, уничтожать творения сумрачного гения инженеров известнейшей оружейной компании ФНС. А заодно с ними и мешающую мне переборку.

Шарахнуло баллов на девять. По пятибалльной шкале.

Ударной волны по причине глубокого вакуума, воцарившегося на станции сразу после моего прибытия, не случилось. Зато пол коридора (в стандартных условиях потолок) тряхнуло очень неслабо.

Очередной «Гнус», отправленный на разведку уже через секунду после взрыва, пролетел за поворот, весело нырнул в здоровенную дыру, возникшую на месте двери, мимоходом показал жизнеутверждающую картинку из серии «доблестный роботизированный защитник „Селены-III“ героически борется с придавившей его балкой» и... исчез! А через мгновение вместо многоцветья экрана тактического шлема «Хамелеона» я увидел поднимающуюся крышку вирткапсулы.

– Эй, Мышонок, че с системой?! Опять зависла?! – заорал я в никуда, справившись с легкой тошнотой, появляющейся сразу после возвращения в реал.

– Система в полном порядке. А вот тренировочная программа отключена за ненадобностью... – прозвучало откуда-то из-за головы, и я, торопливо выскочив из капсулы, кое-как утвердившись на ногах и в темпе адаптировавшись к новым условиям, вытянулся по стойке «смирно» перед Кайманом:

– Господин первый лейте...

Сэсэошник недовольно оглядел меня с ног до головы и мотнул головой в сторону двери:

– Дуй в БСП!¹²

---

¹² БСП – блок самоподготовки.

Напоминать о том, что после успешно выполненного задания мне в теории полагается недельный отпуск, явно не стоило: судя по холодному блеску глаз, Симмонса основательно взгрело начальство. И теперь он жаждал поделиться полученным «удовольствием» с кем-нибудь еще.

Разделять с ним это счастье я был не готов, поэтому, не тормозя, перепрыгнул через соседнюю капсулу и рванул к бесконечному ряду личных шкафчиков. Дабы как можно быстрее одеться и отправиться туда, куда меня послали.

Ага, как бы не так – не успел я пробежать и пяти метров, как услышал гневный рык:

– Я сказал, в БСП! Живо!!!

«Это что-то новенькое... – мысленно отметил я, меняя направление движения. – Бегать по вирткомплексу голышом меня еще не заставляли...»

...Спустившись на лифте на минус девятнадцатый этаж, я минуты три веселил охрану, на радостях решившую хоть немного, да затянуть процесс моей идентификации. А когда, наконец, прошел все необходимые проверки, то кинул взгляд на световой индикатор над ближайшей дверью, удостоверился, что он горит зеленым светом, и шлепнул ладонью по очередному сканеру.

Бронированная створка ушла в стену. Само собой, не сразу, а после того, как получила соответствующий приказ от искина. И открыла мне вид на порядком осточертевшее за время службы помещение, называющееся комнатой само-

подготовки лишь из соображений секретности. Я перешагнул через порог, привычно повернулся к вирткапсуле, надежно изолированной от внутренней сети базы, и мысленно усмехнулся, сообразив, что вкладывать в требовательно мигающий приемный лоток мне нечего.

«Нет худа без добра...» – философски подумал я, почесал затылок и шагнул к раздатчику сети доставки. Резонно рассудив, что возникший не по моей вине временной зазор можно заполнить сочетанием приятного с полезным. И заполнил. До появления Каймана уговорив средний стакан витаминизированного сока и два питательных батончика...

Чинно войдя в комнату, Симмонс шагнул к панели управления искина, на мгновение замер перед сканером, а затем в очень хорошем темпе провел обе стандартные и три специальные проверки. А убедившись в том, что целостность программной оболочки данного БСП не нарушена, системы контроля и наблюдения помещения вместе с искином работают автономно и т. д., вставил в приемный лоток капсулы чип и повернулся ко мне:

– Что ты знаешь о Дэвиде Эвансе и «Крыльях Сэйлема»?

В Сэйлеме, столице штата Новый Орегон, я бывал дважды. И оба раза по службе. Первый мой визит продлился без малого два месяца, но, к сожалению, позволил мне изучить лишь систему охраны местной тюрьмы строгого режима и прилегающие к ней районы. Второй оказался чуть короче, но заметно более информативным – прорабатывая варианты

устранения главы попечительского совета Сэйлемского университета, я был вынужден примерить на себя добрый десяток разных образов, соответственно, пожил и в даунтауне, и в кампусе, и в трущобах. Тем не менее о «Крыльях Сэйлема» не слышал ничего. От слова «совсем». И не из-за своего скудоумия или лени, а потому, что в блоках информации, подготовленных для меня аналитиками ССО, о них даже не упоминалось. Да и на улицах в то время обсуждали «Белых Дьяволов» Лесли Колхема, «Крыс» Бенито Пеларатти и более мелкие группировки типа «Black Brotherhood» и «Hell's Wolves».

– Очередная шайка плохих парней, сэр? – спросил я, на всякий случай покопавшись в архивах расчетно-аналитического блока¹³ и убедившись, что память меня не подводит.

– Что-то вроде того... – оскалился Кайман. – «Крылья» – это команда богатеньких придурков-эсперов¹⁴ из местного университета. А Дэвид Эванс – их капитан и неформальный лидер.

– Фанаты экстремального пилотажа? – на всякий случай переспросил я, повинувшись жесту начальника и укладываясь в капсулу.

– Угу.

– И что такого они вытворяют в свободное от учебы вре-

---

¹³ В дальнейшем – РАБ.

¹⁴ Эспер – жаргонное название тех, кто занимается экстремальным пилотажем. От начальных букв соответствующего английского термина.

мя, сэр? Перевозят наркоту?

Лицо первого лейтенанта на долю секунды окаменело, а глаза ощутимо потемнели.

– Вся информация по заданию – в рабочей директории. На подготовку – двое суток. Еще пять дней – на отработку действия и саму акцию. Вопросы?

– Требуемый КР?

– От пяти до десяти...

...Первые неудобные вопросы к тем, кто формулировал боевую задачу, появились уже через полчаса после начала работы, когда я, изучив рапорты следователей ОБНТ¹⁵, вычислил приблизительный маршрут доставки органов представителям страждущих клиентов. Если точку, с которой обычно стартовали эсперы, с небольшой натяжкой можно было назвать точкой подбора груза, то ни одна из зарегистрированных остановок на точку сброса не тянула. Почему? Да потому, что крыша, на которой парни зависали аж три с половиной минуты, принадлежала строящемуся офисному зданию, расположенному на территории корпорации «ELS», очень неплохо охраняемой «домашней» СБ. А у основания антенны, на которой они тусовались целых семь, располагалось старое здание городского департамента полиции. Пусть ныне и не используемое, но отнюдь не забытое. Говоря иными словами, основания обоих строений были практически усыпаны камерами наблюдения. Что, вне всякого сомнения,

---

¹⁵ ОБНТ – отдел по борьбе с незаконной трансплантологией.

ставило крест на любых попытках скрытой передачи контейнера с товаром конечному потребителю.

Чуть позже, раскопав еще пяток мелких нестыковок, я выбрался из капсулы, вытребовал к себе Каймана и попросил раздобыть копии архивов Сэйлемской СУВД¹⁶ за последние три месяца.

Архивы он мне, конечно, приволок. Но только после того, как я письменно обосновал необходимость привязки теоретической модели планируемой акции к реальному городскому трафику. Столь странный подход Большого Начальства – а палки в колеса, как я понял, ставил не Симмонс, а те, кто заказывал музыку, – к обычному, по сути, запросу заставил меня зарыться в полученную информацию по самые уши. И заодно подвергнуть сомнению все, что можно и что нельзя, начиная с оперативной информации отдела по борьбе с незаконной трансплантологией и заканчивая заключением о степени опасности вышеуказанных лиц для социума.

С этого момента стало еще веселее: удивительно, но на протяжении как минимум двух с половиной месяцев пятеро довольно-таки посредственных эсперов, якобы обеспечивающих доставку органов страждущим клиентам, не пропустили ни одной лекции в университете! Да-да, именно так – в будние дни парни добросовестно учились, создавая себе светлое будущее, а «работали» исключительно по выходным. Причем делали это весьма своеобразно: поздно вечером, ко-

---

¹⁶ СУВД – система управления воздушным (и наземным) движением.

гда трафик падал до минимума, они собирались на крыше заброшенного ангара на перекрестке шестнадцатой и тридцать седьмой, где проводили от пятнадцати минут и до полу-часа. Далее, обычно с двадцати пяти¹⁷ ноль-ноль, они начинали носиться по припортовому району, держась в границах складской зоны и изредка останавливаясь на крышах одних и тех же высоток. Нарезать круги и восьмерки или, по утверждениям «экспертов» из ОБНТ, «путать следы» им обычно надоедало часам к трем ночи, и они устремлялись в центр.

По трассе доставки неслись тоже не абы как, а по строго определенному маршруту и на максимальной скорости. Останавливались дважды. На уже упомянутых точках – крыше одной из высоток и сервисной площадке заброшенной антенны. А когда добирались до противоположной окраины Сэйлема, сажали машины на землю, о чем-то недолго беседовали и разлетались по домам.

Да, чисто теоретически и эти безумные мотания, и короткие остановки на крышах небоскребов можно было счесть доказательством преступной деятельности. Но лично мне они казались обычными тренировками. Ибо ни один здравомыслящий курьер не стал бы пугать горожан ревом двигателей на форсаже, летать одним и тем же маршрутом, использовать одни и те же точки сброса и оплачивать чудовищные штрафы со вполне официальных банковских счетов.

---

¹⁷ Сутки на этой планете делятся 27 часов 12 минут. Т. е. в ЖК он работал достаточно долго.

А еще эти «преступники» принципиально не пользовались акустическими компенсаторами, летали по трассам, укладывающимся в довольно узкий и поэтому предсказуемый пучок траекторий, ни разу не скрывали идентификаторы своих машин и платили, платили, платили.

Будь парни победнее и работай они на каких-нибудь начинающих наркоторговцев, я бы, может быть, поверил в существование некоего графика доставки, созданного специально под них. Но в то, что золотая молодежь работает на идиотов, а черные трансплантологи разбирают доноров на органы исключительно ночами с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье, поверить как-то не получалось.

То, что в планировании акций мелочей не бывает, в меня старательно вбивали все девять лет службы в корпусе морской пехоты. Поэтому, просмотрев имеющиеся материалы пару-тройку раз, я значительно расширил условия анализа и загрузил в РАБ¹⁸ все записи со стационарных и спутниковых камер слежения, на которых хотя бы на миг появлялись флаеры эсперов. А уже через сорок две минуты получил возможность изучить места без малого полутора десятков летних происшествий, случившихся по вине эсперов за последние две недели.

При тщательном рассмотрении девять из четырнадцати я забраковал, так как в результате рискованных маневров скоростных машин тем или иным образом пострадали транс-

---

¹⁸ РАБ – расчетно-аналитический блок.

портные средства, управляемые искинами и принадлежащие небогатым компаниям, в принципе неспособным подключить к наказанию виновных Очень Серьезных Людей. Еще три «зарезал» по причине того, что разбитые гражданские флаеры до столкновения с машинами эсперов и так дышали на ладан, а их хозяева проживали в местных трущобах. Чтобы разобраться с последними двумя, пришлось снова подключить Каймана и затребовать информацию о текущих делах, рассматриваемых городскими судами. После изучения полученных протоколов я был вынужден отбраковать и их: ответчики полностью признавали свою вину, а их представители в настоящий момент оговаривали с истцами размеры компенсаций.

Для того чтобы выйти на след, пришлось еще раз изменить критерии поиска, создать виртуальные модели последних пятнадцати тренировочных полетов, бестелесным духом сопровождать машины эсперов от старта до финиша в аппаратно замедленном режиме и периодически останавливать воспроизведение, вглядываясь в нюансы происходящего на периферии.

В соответствии с законом подлости нужная зацепка нашлась в предпоследней модели. В той самой, в которой богатыньки придурки решили попугать своих сверстников и на сверхмалой высоте пронесли над крышей ночного клуба «Фантом» в тот самый момент, когда из него повалил «уставший» от отдыха народ.

Пройди они над башенкой лифта и стоянкой флаеров минутой раньше или минутой позже, все бы обошлось. Наверняка. Но черный с золотом «Wing» Дэвида Эванса вынырнул из темноты и понесся «навстречу» очередной партии гостей клуба крайне не вовремя. То есть именно тогда, когда из лифта вывалился основательно поддатый Сэмюель Митчелл-младший, единственный сын и наследник Джона Митчелла, директора по связям с общественностью регионального представительства корпорации «Genetica».

Судя по траектории движения, парень находился в состоянии либо алкогольного, либо наркотического опьянения и переставлял нижние конечности только благодаря помощи двух весьма эффектных девиц, поддерживавших его под локти. Видимо, поэтому, увидев несущееся навстречу «Крыло», во фронтальной проекции напоминавшее стилизованную морду акулы, он дико перепугался и... обмочился! А когда последний «Wing» исчез в темноте, имел глупость повернуться лицом к башенке лифта и, оказавшись на свету десятка разноцветных прожекторов, продемонстрировал народу, охранникам и камерам наблюдения бледное лицо с трясущимся подбородком, темное пятно на модных светлых брюках и стремительно увеличивающуюся лужу под ногами...

– Ур-роды! – выругался я, поняв, что докопался до истинной причины заказа. После чего обреченно вздохнул, наскоро прикинул пяток вариантов акции, затем забрался в капсулу, подгрузил виртуальную модель, эмулирующую припор-

товый район с усредненным трафиком на всех магистралях, и начал прорабатывать нюансы...

Глава 4

Лэрри Акина Болдуин

– Занимаешься? – негромкий голос тети, раздавшийся из-за спины, заставил Лэрри отвлечься, оторваться от изучения страницы виртуального учебника и вернуться в реальность.

Реальность пахла медовым шампунем, ромашковым мылом и кремами от Mary Kay – любимым косметическим брендом Стефани.

– Угу... – кивнула девушка и устало потерла ладонями лицо.

– И чем на этот раз? – спросила тетушка и, подойдя к племяннице, ласково потрепала ее по волосам.

– Сейчас изучаю азы начертательной геометрии... – едва не замурлыкав от удовольствия, выдохнула Лэрри. – А до этого решала задачи по высшей математике.

Пальцы Стефани потеряли корни волос на затылке, пробежались вниз по шее и принялись разминать плечи.

– Эпюр, как его, Монжа и всякие там проекции?

– Ага!

– Если мне не изменяет память, то Энди проходил их на первом ку... – начала было тетя, но через несколько мгновений прервалась на полуслове и злобно прошипела: – У-у-у, твари!

Лэрри горько усмехнулась – принцип равенства возможностей, декларируемый правительством ФНС везде, где можно и где нельзя, в реальной жизни выглядел совсем не так, как в речах сладкоголосых политиков. Скажем, для того чтобы поступить в высшие учебные заведения Федерации, представителям социальных категорий от А-1 до С-5 хватало диплома любой общеобразовательной школы или колледжа. А вот абитуриентам категорий D-1 и ниже надо было сдавать экзамены, во время которых демонстрировать знания или навыки на уровне студентов второго-третьего курса профильных высших учебных заведений! Несправедливость такого подхода регулярно вызывала возмущение начинающих политиков. Но лишь на время – стоило им добиться желаемых должностей, как цели пересматривались. И из потенциальных борцов с несправедливостью они каким-то образом превращались в вернейших защитников уже имеющегося «порядка».

– Извини, не подумала... – запоздало сообразив, чем вызвана такая дискриминация, виновато вздохнула Стефани. – Да и с чувством такта у меня не очень!

– Зато ты меня любишь! – крутанувшись в кресле, успокаивающе протараторила девушка и... с трудом протолкнула в горло подступивший к нему комок: во время разворота вокруг своей оси ее плечо придавило к спинке краешек банного полотенца, в которое была завернута тетя. И сдернуло его на пол, продемонстрировав Лэрри чудовищную россыпь

свежих кровоподтеков!

Иссиня-черные пятна были практически везде: на груди, на животе, на верхней части бедер! Они же, но уже добросовестно замазанные тональным кремом, пятнали кожу шеи, плеч и голеней! А правое подреберье и лобок покрывали практически целиком!

– Он был пьян... Как свинья... – торопливо подхватив с пола злосчастное полотенце и снова спрятав следы побоев под белоснежной тканью, еле слышно выдохнула Стефани. Потом поймала гневный взгляд племянницы и опустила взгляд к полу: – И не ведал, что творит...

– Не ведал, говоришь?! – процедила девушка и, вскочив на ноги, снова сдернула с тетки многострадальное полотенце: – Тогда объясни, от чего вот эти желтые пятна?! Разве не от его же пальцев и кулаков?!

– Ки-ин, хватит, а?

– Не хватит! Это животное тебя не только грабит и вынуждает с ним спать, но и регулярно избивает! Я сегодня же поставлю камеру в твоей спа...

– Никакую камеру ты ставить не будешь! – рявкнула тетя и, вцепившись пальцами в плечи племянницы, от души ее встряхнула. – Да, Билли конченная тварь! Но тварь НУЖНАЯ: если бы не он, наш ресторан уже давно принадлежал бы Скользкому Донни, а ты в поте лица и всех остальных частей тела работала бы на корпорацию «Genetica»! И совсем не в секретариате их городского представительства!!!

– Да, но...

– Никаких «но»: база данных ювенальной полиции округа тоже корректировалась через Билли Морригана, поэтому одно его слово – и к ним, и на сервера системы визуальной идентификации полиции упадут твои реальные голографии! Что будет потом, представляешь?

Лэрри сглотнула.

– Вот именно! Пока во всех заинтересованных структурах уверены, что ты страшна как смертный грех, им до тебя дела нет. А стоит хоть кому-то из этих уродов увидеть вот это личико, вот эти пухлые губки и грудь, которую ты себе отрастила... – палец Стефани последовательно ткнул в щеку, в верхнюю губу и в левый сосок, – как сразу же выяснится, что ты являешься носителем какого-нибудь редкого генетического заболевания! Или, наоборот, потенциальным объектом для исследований, невероятно важных для всего человечества!

– Угу... – смахнув с глаз злые слезы, поддакнула Лэрри. – А через некоторое время, когда утихнет шумиха, окажется, что исследования уже проведены, а мне пора приниматься за отработку средств, вложенных государством в мое воспитание! Ну, или Корпорацией во что-нибудь еще...

– Слава богу, сообразила! В общем, научись считать Билли меньшим злом из всех возможных и терпеть, сжав зубы. Хотя бы до тех пор, пока не поступишь в свою Академию и не подпишешь контракт с будущим работодателем!

– А ты? Ты вытерпишь?!

– А куда я денусь? – горько усмехнулась тетя и прижала девушку к себе. – Билли, хоть и скотина, но скотина хоть с какими-то тормозами. А вот сержант Шон Лоу, который патрулировал наш район до него, был вообще без них. Поэтому и загремел на семьдесят пять лет и восемь месяцев...

– За что?!

– Сначала один, а потом и вместе с напарником чуть ли не ежедневно... издевался над Тери Дженкинс и двумя ее несовершеннолетними дочками.

Коротенькая, почти незаметная пауза, сделанная Стефани после слова «ежедневно», ужас, промелькнувший в ее глазах, и легкая дрожь, пробежавшая в этот момент по ее телу, заставили Лэрри напрячься: на ее памяти тетя никогда не показывала своих страхов. Поэтому после ее ухода девушка решительно свернула в трей окно с начертательной геометрией, вошла в Сеть и вбила в браузер фамилию и имя полицейского.

Многоцветная заставка поисковика мгновенно сменилась целой «простыней» ссылок, и девушка, быстренько проглядев логотипы первых десяти, обрадованно ткнула курсором в вензель, образованный переплетением букв «С» и «Д».

«Ищите истину без прикрас? Тогда вы по адресу!» – сообщила всплывающая строка и тут же исчезла. А на смену ей на экране протаяло известное всем и каждому лицо Сэмюэля Дилэйни, одного из известнейших криминальных журналистов современности.

– Добрый день, Стефани! – грустно улыбнулся виртуальный аватар. – Неужели у такой красивой женщины, как вы, не нашлось более приятных дел, чем интересоваться преступлениями сержанта Шона Лоу?

– Не нашлось... – желчно буркнула Лэрри, выключив интерактивный режим работы. Затем ввела в появившееся еще раз сервисное окошко вторую часть личного идентификатора тети, включила воспроизведение первого ролика из имевшихся двадцати шести и откинулась на спинку кресла.

– Тридцать один год тому назад Шон Лоу по прозвищу Мясник из Нью-Лорейна был жизнерадостным и энергичным мальшом, почти ничем не отличающимся от своих сверстников. Так же как все остальные, он по нескольку раз на дню требовал материнскую грудь, спал и пачкал пеленки. Да-да, вы не ослышались – мать, любившая сына до безумия, кормила его не сбалансированным детским питанием, а собственным молоком! Мало того, она добровольно ушла из индустрии красоты, чтобы заниматься его воспитанием. Увы, отсутствие профильного образования или избыток слепой материнской любви сыграли с ребенком злую шутку. Впрочем, не буду забежать вперед... Итак, единственный сын одного из самых успешных юристов Кливленда и двукратной победительницы конкурсов красоты штата Нью-Орегон, он с самого детства слышал от родителей, что в этой жизни настоящего успеха способны достичь только те, кто готов возложить на алтарь

своей мечты всего себя без остатка. Мечты у Шона были 0-го-го. Поэтому, едва выйдя из младенческого возраста, Лоу-младший начал делать все, чтобы их реализовать. Первым делом, естественно, не без помощи родителей, подготовился и поступил в престижнейшую Lake Tahoe School. Где уже к концу второго года обучения выбился в тройку лучших учеников. Дальше – больше: к концу третьего года обучения он стал безусловным лидером класса, а к середине пятого – лучшим учеником школы. Все, за что бы ни брался этот мальчишка, давалось ему без видимого труда – в девять лет он выиграл первенство города по плаванию, в двенадцать стал чемпионом штата по муай-тай, а в четырнадцать попробовал свои силы на городских соревнованиях по пилотированию малых летательных аппаратов и победил...

...Авторский текст Сэмюэля Дилэйни сопровождался соответствующим видеорядом. Коротенькие, но весьма профессионально подобранные ролики демонстрировали различные этапы жизни юного Шона. Причем не просто показывали этапы его взросления, а заставляли сопереживать. Поэтому Лэрри без всякого внутреннего сопротивления болела за мальчишку, рвущегося к стенке бассейна, восторгалась мастерски исполненной комбинацией, принесшей ему победу в финале соревнований по муай-тай, и сжималась от страха, когда крошечный «Листик» юноши слишком сильно притирался к ограждениям пилотажной трассы. Увы, всему хо-

рошему когда-либо приходит конец, и вскоре в голосе журналиста появилась горечь:

— К сожалению, излишняя уверенность в своих силах, привычка неизменно побеждать и вера в безоблачное будущее подложили Шону свинью — в пятнадцать лет, подав документы в кадетский корпус Nevada Academy и срезавшись на экзамене по высшей математике, он... сломался! Да, именно сломался: вместо того чтобы взяться за ум и подтянуть свои знания в этой дисциплине или подать документы на факультет, не связанный с пилотированием боевых кораблей, юноша впал в депрессию. И пребывал в ней без малого год! Естественно, его сверстники на месте не стояли. Поэтому, когда парень, наконец, справился с собой и вернулся к занятиям в родной школе, оказалось, что места лидеров уже заняты другими. Казалось бы, человек, занимавшийся муай-тай и научившийся терпеть вполне реальную боль, должен был вынести этот удар без особого труда. Увы, вместо того чтобы принять их вызов и начать демонстрировать свои бойцовские качества в реальной жизни, Шон опустил руки. И возненавидел всех, к кому жизнь отнеслась лучше, чем к нему. Первой ласточкой наступающей трансформации личности послужила месть однокласснику, «посмевавшему» посмеяться над неудачным ответом будущего Мясника. Несмотря на ненависть к более удачливым сверстникам, дураком Лоу-младший не был. Выросший в семье юриста, он прекрасно знал, что далеко не за каждым

проступком следует наказание, и сделал все, чтобы возмездие за «оскорбление» выглядело трагической случайностью. Пара-тройка запущенных слухов, вовремя брошенная вроде бы ничего не значащая фраза – и его «обидчик» не только вступил в клуб муай-тай, но и начал иступленно тренироваться. А через четыре с лишним месяца, работая в тренировочном спарринге с Шоном, переоценил свои силы и заработал перелом основания черепа. Лоу-младшего, которого несчастный юноша пытался припечатать к полу броском с прогибом назад, признали невиновным. В результате, выйдя сухим из этой непростой ситуации, парень окончательно уверился в том, что кто умнее, тот и прав...

Сарказм, прозвучавший в голосе Сэма Дилэйни в последней фразе, заставил Лэрри заинтересованно податься вперед.

– Только вот для того, чтобы быть «умнее», требовалось вкладывать в учебу и время, и душу. А озлобившийся юноша тратил их на осуществление безумных идей, возникающих в его воспаленном мозгу. И это отнюдь не художественное преувеличение: к примеру, для того, чтобы «наказать» одноклассницу, отвергшую его ухаживания, и при этом не загреметь в тюрьму, Шон почти полгода изучал программирование и штудировал отцовские архивы. В результате, изнасиловав девушку в извращенной форме, он снова избежал каких-либо негативных последствий! Как? Да очень просто – «оказалось», что жертва была завсегда-

таем сайтов для любителей БДСМ! Причем в ее компьютере «хранилось» порядка полутора тысяч роликов соответствующей направленности, а на сервере домашней СКН имелись акустические файлы, в которых она вынуждала партнеров быть с ней предельно жестокими...

Ссылки, предлагающие ознакомиться с материалами исследования этого этапа жизни Мясника из Нью-Лорейна и с рассказом о дальнейшей судьбе этой его одноклассницы, Лэрри смотреть не захотела. Поэтому проигнорировала предложенные файлы и продолжила слушать повествование:

– Закончив *Lake Tahoe School*, Шон Лоу подал документы в Юридическую Академию Доусона, сдал экзаменационные тесты и... недобрал каких-то четыре балла! Четыре балла из шестнадцати тысяч четырехсот семнадцати, требовавшихся для поступления...

«Полюбовавшись» на желваки, игравшие на багровом от бешенства лице Лоу-младшего, спускающегося по ступенькам экзаменационного корпуса Академии, Лэрри вдруг поняла, что устала от подробностей. Поэтому переключила воспроизведение в серф-режим и стала просматривать названия имеющихся блоков.

Забавно, но даже в таком режиме просмотр жизни Мясника получился довольно информативным. Вероятнее всего, потому, что названия блоков типа «Полуторамесячный запой», «Авария, чуть было не ставшая последней» или «Драка в отделении реабилитации» не оставляли простора для

фантазии.

Годы учебы в Полицейской Академии и первые шесть лет службы девушка просмотрела именно в этом режиме. И остановила мелькающее изображение только тогда, когда напугнулась взглядом на знакомую фамилию:

– Следствие установило, что четырнадцатого сентября две тысячи двести двадцать шестого года Луиза, младшая дочь Тери Дженкинс, двадцативосьмилетней официантки с окраины Нью-Лорейна, решила прогулять школу. Помахав ручкой флаеру матери, девочка вошла в двери лифта общественной стоянки и... вышла не на четвертом, а на первом этаже небоскреба. Пластиковая карточка с четырнадцатью кредитами, выменянная у подружки на замысловатую заколку в виде экзотической бабочки, грела ей и руку, и душу. А призывно распахнутые двери кондитерского магазина «World of Sweets» на другой стороне Линкольн-авеню казались входом в сказочный «Мир Шоколадного Полдня». Поостояв на тротуаре минуты полторы, девочка шагнула было вправо, но сразу же остановилась: по направлению к ней, забавно переваливаясь из стороны в сторону и не обращая внимания на машины, прямо через дорогу несяся улыбающийся медвежонок Чоко. Голограмма, изображающая оживший логотип компании-производителя шоколадных конфет, выглядела настолько красочной и реальной, что девочка мгновенно забыла про окружающий мир и рванула навстречу. Трагедии не произошло – искин городской СУВД вовремя сре-

агировал на сигнал контрольных датчиков, и серо-стальная спортивная «Brezza», неторопливо плывшая параллельно тротуару, воткнулась передним обтекателем в вынырнувший из проезжей части стальной парковочный столбик.

— Казалось бы, тут все предельно ясно, не так ли? — иронично поинтересовался журналист. — В погоне за сверхприбылями управляющий этого магазина нарушил сразу шесть основополагающих правил использования динамических рекламных голограмм с обратной связью и, соответственно, должен был возместить материальный ущерб владельцам пострадавшего флаера и моральный — насмерть перепуганному ребенку. Увы, в той, трагической реальности на место происшествия прибыл сержант Шон Лоу. Который, разобравшись с обстоятельствами дела, решил отвезти девочку домой. По своему обыкновению, не став уведомлять хозяйку квартиры о планируемом визите...

Фраза «по своему обыкновению» царапнула слух, поэтому Лэрри поставила было воспроизведение на паузу, но потом сообразила, что привычки, приобретенные сержантом в процессе взросления, были подробно описаны в пропущенных ею блоках журналистского расследования.

— Тери Дженкинс, накануне работавшая в вечернюю смену и потому явившаяся домой в четыре пятнадцать утра, только-только провалилась в сон. Поэтому, услышав дверной звонок, не поняла, что облачена лишь в полупрозрачную ночную рубашку. Освещение в лифтовом холле этажа

было достаточно ярким, чтобы продемонстрировать Мяснику прелести молодой женичины, и у Шона Лоу начались провалы в памяти. «О чем он забыл?» – спросите вы? Да о самой малости: о нематериальной, а поэтому абсолютно несущественной вещи – голограмме, выманившей ребенка на дорогу! По его версии, Луиза бросилась под флаер сама. Ибо страстно желала потратить свои четырнадцать кредитов еще до начала первого урока и не видела ничего, кроме двери в магазин. Само собой, такая трактовка меняла все. Поэтому, когда Мясник показал потрясенной женичине чуть отредактированные записи камер наружного наблюдения и озвучил приблизительную стоимость ремонта поврежденного флаера, она села на пол прямо там, где стояла. И заплакала, ибо такого количества денег у нее просто не было. Надо ли говорить, что Шон «вник в суть проблемы» и предложил «пусть и незаконную», но помощь?

«С прелюдией все понятно...» – остановив показ, безразлично поморщилась Лэрри и, просмотрев заголовки следующих блоков, наткнулась взглядом на ярко-красный мигающий прямоугольник со словами «Отчеты об эксгумациях». Слово «эксгумация» показалось смутно знакомым, поэтому девушка ткнула в ссылку, быстренько промотала всю говорильню и первые пару минут сопроводительного ролика, нажала на начало просмотра и... выскочив из-за стола, сломя голову бросилась в туалет...

Глава 5

Роберт Рид

...Акустическая система типового «пенала», принадлежащего мастеру-наладчику восьмой категории Доновану Грейвзу, разродилась дребезжащим звонком древнего механического будильника ровно в двадцать два пятнадцать. Омерзительно-громкий звук с легкостью проник через тонкие пластобетонные перегородки, отделяющие квартиру от соседних. И вызвал вполне понятную реакцию: кто-то из соседей, проживающих справа, обложил владельца однокомнатной конуры многоэтажным матом, сосед слева в сердцах залепил в стену чем-то тяжелым, а снизу, из-под тоненького искусственного ковра, раздался истошный женский визг:

– Донни, придурок, выруби эту дрянь, я детей укладываю!!!

Грейвз не отреагировал. Поскольку лежал на узенькой кровати, невидящим взглядом уставился в потолок и изредка пускал слюни. Пришлось среагировать мне – протянуть руку и ткнуть пальцем в затертое до дыр поле соответствующего сенсора.

Душераздирающий звуковой сигнал, способный вызвать зубовный скрежет даже у глухонемого, тут же оборвался, а донельзя примитивный искин «пенала» продолжил запро-

граммированные действия – зажег плафон над входной дверью, включил автоматическую кофеварку и откинул приемное окошко ЦСД.

Есть ту синтетическую гадость, которой регулярно завтракал донор моего нового образа перед выходом в ночную смену, я не собирався, поэтому переложил питательный брикет на стул, подошел к кофеварке и налил «себе» порцию маслянистой жидкости, омерзительно воняющей какой-то химией. Последующие сорок пять минут, обычно требовавшиеся Доновану для того, чтобы прийти в сознание, перекусить и одеться, я провел в приблизительном соответствии с имеющимися записями. То есть на шестой минуте «после пробуждения» вывесил в углу экран головидео и вывел на него ленту новостей, на девятой посетил туалет, куда слил правильно синтезированную мочу, на двадцать третьей включил ионный душ, а сразу после «выхода» из него отправил упаковку с едой в утилизатор и начал «одеваться». Естественно, действовал я не только за Донни, но и за себя любимого: на четырнадцатой минуте, получив сигнал от одной из рабочих закладок, подключился к коммуну лидера «Крыльев Сэйлема» и убедился в том, что «единичка» начала скачивать с сервера СУВД базу данных по зоне тренировок. На двадцать шестой подключился к «Москиту»¹⁹ и провел его по хитросплетениям коммуникаций в нужную мне точку. А на тридцать седьмой все так же дистанционно заставил микро-

---

¹⁹ «Москит» – диверсионный микробот.

бот подключиться к нужному кабелю и подать строго определенный сигнал.

Из квартиры я вышел на минуту и сорок секунд позже усредненного графика. И не из-за склероза, а чтобы не продемонстрировать излишнюю пунктуальность. Привычно – для Донована Грейвза – закинул в рот пластинку с синтаном²⁰ и, придерживая рукой трясущийся холодец накладного живота, заковылял к лифту.

Вызов начальника отдела застал меня на станции легкого метро, расположенной в четырехстах метрах от жилого комплекса: почти убитый комм Грейвза, нацепленный на запястье правой руки, легонечко завибрировал, а после активации вывесил перед 3D-рамкой лицо мистера Алана Беннета:

– Донни, где тебя носит?!

Сбруя²¹, натянутая на голое тело, отреагировала мгновенно: серия коротеньких импульсов в нужные «мышцы» псевдоплоти – и я сгорбил спину, вжал голову в плечи, после чего подобострастно залепетал:

– Е-е-еду на работу, сэр! И... я точно... э-э-э... не опаздываю!

– Я не спрашивал, опаздываешь ты или нет! – побагровев, рыкнул мистер Беннет. – Я спросил, где ты сейчас находишь-

---

²⁰ Синтан – легкий наркотик.

²¹ Сбруя – жаргонное название специального комбинезона, модулирующего нужные реакции тела.

ся, дурень!!!

– На перроне станции Бернсайд, сэр! – опустив взгляд, чтобы не раздражать гневающеся начальство, затараторил я. – Это на углу шестьде...

Слушать мои уточнения начальник отдела не пожелал:

– Езжай на Валлидейл, четырнадцать – там авария в системе жизнеобеспечения ЖК «Астра»! Коды доступа к системе скинут в течение десяти минут.

– Как скажете, сэр! – промямлил я, дождался, пока босс отключится, и, воровато оглядевшись, довольно осклабил-ся. Для тех, кто когда-нибудь захочет посмотреть на записи камер наблюдения и проверить мои поведенческие реакции. А что, наладка системы жилого комплекса класса «А» была делом нелегким. Значит, жители, лишённые возможности пользоваться разнообразными благами, уже пребывали в крайне расстроенных чувствах. И наверняка жаждали ускорить процесс. Соответственно, работяга, образ которого я нещадно эксплуатировал, не мог не предвкушать левый заработок...

...Проблема, возникшая в «Астре», не стоила и выеденного яйца: сбой одного из блоков главного искина ЖК, инициированный импульсом «Москита», вызвал скачкообразное увеличение давления в магистрали системы утилизации бытовых отходов. В результате одна из труб, лопнув, затопила своим содержимым добрую треть сервисного этажа. Вправив мозги «сброндившему» искину и заодно убрав все следы ди-

версии, я перенаправил стоки в другую магистраль, заказал в «родной» конторе трубу нужного диаметра и длины со всеми требующимися расходниками и начал собираться.

Поняв, что я вознамерился куда-то сваливать, начальник охраны ЖК, мрачный, как грозовая туча, мужчина лет эдак сорока – сорока двух, до этого момента контролировавший чуть ли не каждый мой чих, вопросительно выгнул левую бровь:

– И куда это ты намылился?

– Первичные последствия аварии устранены. Устранением вторичных, как положено по договору, наша компания начнет заниматься в течение ближайших трех суток...

Видимо, опыта общения с моими «коллегами» у «грозовой тучи» было предостаточно, так как вместо гневного рыка с его уст сорвалось коротенькое и идеологически правильное утверждение:

– Мы умеем быть благодарными...

Я задумчиво изучил трехмерный план пострадавшего этажа, почесал не очень чисто выбритый подбородок и пробежал пальцами по сенсорам виртуальной панели управления:

– Если заблокировать вот эту... эту... и эти две двери, а потом включить систему принудительной вентиляции, то неприятный запах перестанет чувствоваться. Что касается откачки отходов... хм... с этим сложнее – техника, требующаяся для проведения всего комплекса работ, выделяется не мною. Думаю, в течение двух дне...

– Каких, к дьяволу, двух дней?! – не выдержал он. – Отходы НАДО откачать до рассвета! Надо, понимаешь?!

Я скептически наморщил лоб и вывел перед ним рабочую страничку «нашей» компании, после чего ткнул пальцем в самую нижнюю строку:

– Как видите, сэр, ваша заявка уже в очереди. Вот тут... – я открыл следующее окно, – отражается степень загрузки техники и приблизительное время, требующееся ее операторам для того, чтобы справиться с текущими заказами. Район у вас старый, коммуникации изношены, а аварии случаются часто. Поэтому иногда образуется, так сказать, живая очередь, сдвинуть которую... довольно сложно...

Паузу в последнем предложении я сделал совсем коротенькой, но мой собеседник мгновенно сделал стойку. А потом, демонстративно выключив служебный комм, вытащил из кармана простенький банковский чип на предъявителя:

– Сколько?

Ломаться и набивать себе цену настоящий Донни стал бы вряд ли – парень знал свой потолок и никогда не наглел. Поэтому я вырубил и свой комм, после чего негромко пробормотал:

– Если в конторе дежурят нужные люди, то кредитов пятьсот – пятьсот пятьдесят. На всех заинтересованных лиц, включая меня. Если нет, то, боюсь, ничего не получится, так как... хм... аппетиты руководства я, честно говоря, не представляю.

Начальник охраны воткнул чип в личный комм, набрал на виртуальной панели какую-то сумму и вложил пластиковую пластинку в нагрудный карман моего комбинезона:

– Тут восемьсот кредитов. Если получится устранить ВСЕ последствия аварии до шести утра – докину ЛИЧНО ТЕБЕ еще двести!

Сумма была очень солидной. Для Донована Грейвза. Поэтому я без лишних слов повернулся к рабочей панели и забарабанил по виртуальным сенсорам со скоростью пулемета. Не забывая негромко бубнить себе под нос:

– Та-а-ак... Если придержать на складе во-от эту и эту хрень... могли же детали оказаться бракованными?... то вылеты наладчиков на Вудмир-авеню и в ресторан «Denny's» станут бессмысленными... А если чуть покрутить с логистикой, скажем, вот так... то наша заявка передвинется еще на четыре позиции вверх... А кто у нас сегодня на оформлении? Нансен? У-у-у, этот упрется, как баран... И что же теперь делать?

Естественно, «грозовая туча» очень внимательно вслушивался в мое бормотание. Но не комментировал – видимо, поверил, что я действительно очень хочу заработать.

Я перебирал варианты минут семь-восемь. Открывая и закрывая сайты и рабочие окна своей компании и нескольких сторонних, изучая непонятные статьи каких-то положений, характеристики ремонтных флаеров, роботизированных комплексов и т. д. Ну, и параллельно поглядывал на кар-

тинки со спутников, на которых флаеры эсперов слетались к точке сбора. Потом, наконец, «принял решение», свернул все ненужное и вывесил перед начальником охраны кусок трехмерной схемы их жилого комплекса:

– В общем, так, один вариант нашелся, но он... как бы это сказать...

– Говори как есть!

– ...несколько... э-э-э... неожиданный!

– В смысле?

– Ну... как я уже говорил, сэр, все *серьезные* последствия аварии уже устранены. То есть системы жизнеобеспечения вашего ЖК работают в штатном режиме, а отходы, разлившиеся по сервисному этажу, в жилые зоны гарантированно не протекут. Согласно действующему законодательству и в соответствии с духом договора наша компания имеет полное право поставить ликвидацию так называемых вторичных последствий в живую очередь.

– Ты хочешь сказать, что если бы трубу прорвало не в подвале, а, скажем, в любой из квартир...

– ...то мы были бы обязаны принять меры немедленно!

– Ты что, хочешь устроить еще одну аварию? – взбеленился начальник охраны.

– Я что, похож на идиота? – искренне удивился я. – Любое вмешательство в работу искинов протоколируется, а отчеты о действиях наладчиков отправляются как в нашу, так и в вашу контору и обязательно проверяются. Заработать пол-

тора кредита, а потом загреметь лет на десять куда-нибудь на урановые рудники? Нет, простите, но я в такие игры не играю!

– Что тогда?

– Посмотрите, пожалуйста, во-о-от сюда... – полюбовавшись на глубокую складку, появившуюся между бровей собеседника, и не глядя ткнув пальцем в экран, вкрадчиво предложил я. – Толщина слоя отходов на этом участке коридора составляет двадцать четыре сантиметра. А высота технологических отверстий, скрытых фальшпанелями, – двадцать. Если бы их прорвало здесь, здесь и здесь, то отходы затекли бы в короба с энерговодами, попали во-о-от в эти колодцы и через некоторое время залили бы распределительные щиты...

– И что бы произошло в каждом отдельном случае? – начиная что-то понимать, спросил начальник охраны.

– Авария в зоне, которую я сейчас подсвечу синим цветом, вызвала бы остановку четвертого, пятого и шестого блока лифтов, отключение освещения коридоров и холлов второго корпуса, а также системы кондиционирования... – тем же тоном продолжил я, параллельно раскрашивая виртуальными маркерами соответствующие части схемы. – Авария в желтой зоне вырубил бы ЦСД все в том же втором корпусе и с довольно большой долей вероятности устроила бы коллапс в системе водоснабжения. А если бы отходы протекли в оранжевую, то...

– То что?

– ...короткое замыкание обесточило бы одиннадцать внешних камер и сорок три эффектора СУВД, сожгло бы пару десятков датчиков привода разгонного коридора N-6 и вынудило бы диспетчера вашей зоны изменить схему полетов грузовых флаеров.

– Как я понимаю, повреждение уплотнений технологических отверстий должно произойти механическим путем... во время перезагрузки системы наблюдения?

– Ага.

На то, чтобы принять окончательное решение, моему собеседнику потребовалось меньше двух секунд:

– Ты гарантируешь, что отходы попадут ТОЛЬКО в оранжевый короб?

– Да.

– Действуй...

...Серия коротких замыканий в оранжевой зоне произошла на шесть минут раньше запланированного – в двадцать четыре минуты первого. А уже в ноль часов тридцать три минуты меня, выбравшегося за пределы ЖК, отловил мистер Беннет, сообщил о неожиданных последствиях недавнего прорыва и приказал возвращаться обратно. Заодно уведомив о том, что ко мне уже отправлен универсальный ремонтный комплекс «Паук-2 М».

Судя по тому, что за хорошую работу мне была обещана премия, отдел стоял на ушах. Впрочем, ничего удивительно-

го в этом не было – если аварийные сигналы от искинов ЖК автоматически направлялись на сервер компании, то сообщения о поломках в системе обеспечения СУВД дублировались еще и на комм Большого Босса. Чтобы тот гарантированно заставил включиться в работу всех заинтересованных лиц.

Начальник охраны встретил меня в фойе комплекса с распростертыми объятиями. В смысле, с довольной улыбкой. И, не тратя времени зря, лично проводил обратно в операторскую. А в ноль часов пятьдесят три минуты, получив из офиса коды доступа к «Пауку», я, наконец, занялся делом: переключил на себя управление транспортером, подлетающим к границе аварийной зоны, вывел его из-под контроля СУВД и направил к ближайшей шахте грузового лифта.

Следующие тридцать восемь минут я валял дурака. То есть усиленно делал вид, что контролирую работу «Паука», а сам висел в служебном канале СУВД и параллельно наблюдал за маневрами тренирующихся эсперов.

Как было и в предыдущие выходные, парни собрались в припортовом районе, посовещались, а потом принялись носиться среди построек. Летали на сверхмалых высотах, нещадно гоняя машины на предельных режимах и не задумываясь о цене сжигаемого топлива. Хотя, на мой взгляд, в разы эффективнее было бы засадить те же деньги на аренду нормальных вирткапсул и покупку устаревших армейских программ пилотажной подготовки. Кстати, особой слетанно-

сти и единства они не демонстрировали, «косяча» чуть ли не на каждом маневре. Сглаживали или компенсировали чужие ошибки тоже только случайно. А еще довольно часто выходили из себя. Что, как полагается, только усугубляло нервозность явного аутсайдера команды, управлявшего вечно отстающим «Крылом». В чем это конкретно выражалось? Ну, скажем, на прошлых тренировках парень, управляющий «двойкой»²², мог позволить себе потерять крыло лидера и либо свечой уйти в ночное небо, либо дать форсаж и начать метаться между строениями и опорами эстакад. Видимо, для того, чтобы хоть как-то унять бешенство. В этот раз он буйствовал относительно «мягко». После второго неудачного маневра «пятерки» выпал из строя на двадцать секунд; после шестого крутанул мертвую петлю; после одиннадцатого изобразил «Кобру». А после тринадцатого, во время которого самое слабое звено команды чуть было не врезалось в опору эстакады, посадил флаер на землю, выбрался наружу и демонстративно оперся на обтекатель. Так и простоял все то время, пока «пятерка» под руководством «единички» отрабатывала прохождение не получающегося участка...

Оттачивать отдельные элементы пилотажа парни закончили без двадцати три. Немного отдохнули, расселись по флаерам и дали полную тягу на движки. Правда, прежде чем отправиться на «соревновательную» трассу, рванули в сторону

---

²² «Двойка» – жаргонное обозначение флаера, во время гонки занимающего место справа и сзади лидера.

реки и сделали поворот на девяносто градусов в узком «каньоне», образованном складами «ELL Spaceships».

Прошли как по ниточке, умудрившись и выдержать оптимальный скоростной режим, и не смять строй. Горизонтальную спираль вокруг эстакады с проходами тоже исполнили на пять баллов. А затем, почувствовав кураж, решили еще немного позабавиться.

Сначала, перестроившись цепочкой, спиралью ввинтились в ночное небо, используя в качестве оси вращения шестидесятиметровый портовый кран. Потом, собравшись в компактный ромб и «поставив» его на ребро, стремительно упали к речной глади, разогнались над водой и, не снижая скорости, протиснулись между бортом тяжелого сухогруза и причальной стенкой. Потом описали несколько замысловатых кривых в лабиринте из тяжелых морских контейнеров и, наконец, вырвались на оперативный простор.

Первые минуту и двенадцать секунд полета по городским улицам команда держала строй, двигаясь динамическим треугольником. При этом первой летела «единичка», на концах ее крыльев висели двойка и тройка, далее пеленгом вправо-влево шли четверка и пятерка. Ширина фигуры постоянно менялась: там, где позволял «рельеф местности», «крылья» расходились в стороны, и каждый пилот проходил маршрут по своей «полосе». Там, где двигаться в псевдоодиночном режиме не получалось, они складывались, и строй огибал препятствия последовательно, копируя технику ли-

дера. При этом парни старательно отслеживали «площадь» получающихся фигур, не давая формации расплываться.

Кстати, пока «Крылья» мчались по хорошо освещенной, но практически безлюдной Пенмар-авеню, их пилотаж смотрелся очень даже ничего. Но после поворота на Ривердейл-роуд красота эволюций начала тускнеть. Еще бы, тут, в каких-то пятидесяти двух километрах от центра города, движение не затихало даже глубокой ночью, и парни были вынуждены осторожничать.

После поворота на Мэлроуз-авеню в маневрах команды снова появилась потерянная было легкость. Но только потому, что лидер перестал строить из себя аса и активировал режим «подсказок». То есть разрешил искинам флаеров команды обращаться к базе данных по планируемому трафику, в режиме реального времени скачиваемой с сервера СУВД. С этого момента в эволюциях «Крыльев Сэйлема» напроць пропал элемент неожиданности: увидев на эволюционном экране приближающуюся метку, скажем, слева, строй тут же смещался вправо или взмывал вверх. Увидев помеху справа – уходил влево или прижимался к земле. Ну а встречные или попутные флаеры «обрабатывались» ими так, что у меня опускались руки: парни притирались «коробочками», «кольцами» или «ромбами» только к тем машинам, которые двигались по жестко заданным траекториям. Зато частные машины, управляемые не автопилотами, а живыми владельцами, предпочитали облетать за километр!

Тем не менее они себе нравились. Поэтому останавливаться на крыше недостроя корпорации «ELS» не захотели, а «протиснулись» между первым и третьим корпусами университета, описали кольцо вокруг Патрик Хай Скул и рванули к жилым массивам.

Таймер обратного отсчета я врубил, когда они прошли первую контрольную точку – пешеходный мостик через Мэделайн-крик. Потом сдвинул окно с динамически меняющимся изображением на периферию, убедился, что «Паук» завершил санацию последнего коридора, и довольно потер руки.

– Вот и все, лопнувшая труба заменена, система работает штатно, а сервисный этаж практически стерилен. Сейчас отправлю ремонтный комплекс на следующую точку, а сам займусь датчиками привода разгонного коридора.

Мог бы и не говорить – начальник охраны, отслеживавший каждое мое действие, видел результаты не хуже меня.

– Держи, заслужил... – от души врезав мне по плечу, буркнул он и положил еще один банковский чип под мою левую руку.

«Оклемавшись» от удара – искин «Сбруи», отслеживающий поведение контролируемого объекта согласно прописанному образу, заставил меня съежиться, неловко отшатнуться в сторону и потерять равновесие, – я расплылся в довольной улыбке. А через пару мгновений, спрятав неучтенный и необлагаемый налогами заработок в нагрудный кар-

ман рабочего комбинезона, отправил «Паука» к транспортеру.

Четыре минуты и восемь секунд, потребовавшиеся ему, чтобы свернуть манипуляторы, добраться до платформы, занять штатное положение и намертво зафиксироваться на ней, я делал вид, что изучаю оставшийся фронт работ. А сам смотрел то на таймер, то на маневрирующее «Крыло» и считал оставшиеся мгновения...

...Минута пятнадцать: сложенный в «лезвие» строй машин эсперов простреливает площадь Четырех Фонтанов, эффектно срезая крыльями девять из десяти подсвеченных струй, после чего синхронно делает «бочку» и втягивается в узенькую Рейнбоу-авеню. Одновременно с этим платформа с «Пауком» медленно всплывает на аппарель, ведущую к лифту...

...Пятьдесят три секунды: почти полностью раскрывшееся «Крыло» взмывает вертикально вверх вдоль правой стены «Миррор-Плаза», выполняет «горку», на миг зависает в верхней точке траектории и стремительно падает вниз вдоль левой стены. А платформа легонечко вздрагивает и начинает двигаться вверх...

...Тридцать семь секунд: флаеры перестраиваются в «ромб» и, почти касаясь днищами коротко стриженной травы одной из полян парка Фишберн, пролетают между стеклянными навильонами «Right» и «Left». Тем временем подъемный стол грузового лифта набирает полную ско-

рость и возносит «Паука» к еще закрытой диафрагме...

...Девятнадцать секунд: разогнавшись вдоль пологого склона безымянного холма, «Крыло Сэйлема» уходит в боевой разворот, притираясь к стеклянному ограждению обзорного павильона на первом ярусе башины «Black Tower». А между расходящимися лепестками диафрагмы вспыхивает искорка какой-то звезды, и ее отражение загорается ярким пятнышком на обтекателе «Паука»...

Последние десять секунд я наблюдал за происходящим сразу с двух ракурсов. Через камеру, установленную на боковой стене третьего корпуса, и со спутника МВБ, висящего над геометрическим центром города. С первой точки открывался роскошный вид на черную дыру лифтовой шахты, пустую стоянку для грузовых флаеров и разгонный коридор, а со второй – на весь жилой комплекс и прилегающие к нему районы.

Команда Сэйлемского университета влетела на территорию ЖК вытянутой цепочкой – их лидер, более-менее трезво оценивающий способности своих друзей, считал, что проходить этот кусок траектории в сомкнутом строю им пока рановато. Первый маневр – переворот на крыло с виражом, выводящим флаеры под балкон пентхауса девятого корпуса, – группа отработала на славу: пять стремительных теней пронесли от силы в метре от его массивного керамопластового основания, а выхлоп от их движков раскрасил черную матовую поверхность цветами побежалости. Второй – полубоч-

ка²³ с поворотом на тридцать градусов и проходом впритирку с верхней кабинкой пассажирского лифта шестого корпуса – тоже. Потом «единичка» ускорила и оторвалась от основной группы, кинула очередной запрос искину СУВД и, получив в ответ одни «нули»²⁴, вошла в боевой разворот – «облизала» ограждение крыши, пролетела между рядами дорогущих флаеров и нырнула в узенький проход между двумя сервисными башенками.

Цифры на основном таймере мигнули шестью нолями, «Москит», «сидевший» на искине флаера и генерировавший нужные отзывы, самоуничтожился, и скоростная машина, выйдя из слепого виража, со всего размаха воткнулась в топливные баки «Паука», только-только вынырнувшего из шахты лифта...

---

²³ Бочка – вращение летательного аппарата вокруг продольной оси на 360 градусов. Полубочка, соответственно, на 180.

²⁴ «Нули» – автоматически сгенерированное сообщение о том, что движущегося транспорта на траектории движения флаера нет.

Глава 6

Лэрри Акина Болдуин

...Поднявшись на вершину холма, Снежок остановился. Сам. И негромко всхрипнул, словно восторгаясь открывшимся видом. Ласково потрепав единорога по шелковистой гриве, Лэрри окинула взглядом бескрайнее море воистину Серебряного Леса, привычно удивилась невероятной синеве безоблачного неба и восхищенно вздохнула: в искрящемся облаке водяной пыли, висящей над водопадом Разбитых Надежд, горела и переливалась восхитительно яркая радуга!

Увы, краткий миг звенящей тишины и единения с миром был прерван чуть хрипловатым баритоном порядком поднадоевшего графа Эдриеля Эделлара:

Моих здесь воздух полон вздыханий,
нежна холмов суровость вдалеке,
Здесь рождена державшая в руке
и сердце – зрелый плод, и цветик ранний...
Здесь в небо скрылась вмиг, и чем неожиданней,
тем все томительней искал в тоске
ее мой взор; песчинок нет в песке,
не смоченных слезой моих рыданий.
Нет здесь в горах ни камня, ни сучка,
ни ветки или зелени по склонам,

В долинах ни травинки, ни цветка,
нет капельки воды у ручейка,
зверей нет диких по лесам зеленым,
не знающих, как скорбь моя горька...

Чтец из него был неважный. Поэтому красивый и образный сонет Франческо Петрарки вызвал у Лэрри лишь чувство раздражения чуть ли не с первых строчек. Однако игнорировать куртуазный комплимент влюбленного юноши, да еще и в присутствии такого количества свидетелей, было бы воспринято двором крайне негативно, и девушка нехотя изобразила намек на улыбку. О-о-о, что тут началось – решив, что первая красавица Дивноморья пребывает в романтическом настроении, все представители сильного пола старше пятнадцати лет бросились в поэтическую битву!

Первые минуты полторы стихи декламировали одновременно. В результате до Лэрри доносились лишь обрывки фраз соревнующихся мужчин да недовольное сопение их спутниц.

Барон Диего Одриер, вдруг позабывший про молодую жену, вдохновенно цитировал Бернса:

Любовь, как роза, роза красная
Цветет в моем саду...

Виконт Огюст Митч, вроде бы все еще скорбящий по недавно скончавшейся супруге, – Пушкина:

Я помню чудное мгновенье:
передо мной явилась ты...

Баронет Жан Ульфгард, еще вчера увивавшийся за младшей дочкой первого министра двора, – Хайяма:

Могу я вместе с вами быть
В своих видениях и снах...

Им вторил даже королевский шут. Правда, в отличие от других чтецов он не воспевал, а язвил:

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?
И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ...

Естественно, интерес вызвал только последний отрывок, поэтому Лэрри вызвала подсказку, отложила в памяти фамилию автора и, прочитав последние строчки, с трудом сглотнула подступивший к горлу комок:

Достоиней прозвучали бы слова:

«Вы посмотрите на моих детей.
Моя бывшая свежесть в них жива,
В них оправданье старости моей».

Пушай с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылаёт вновь!

Желание продолжать играть сразу куда-то испарилось, и девушка, вызвав меню, активировала выход. Темно-синее небо, серебристая листва могучих лесных великанов и ярко-зеленый ковер травы, покрывающей вершину холма, тут же подернулись легкой рябью и начали стремительно бледнеть. Последним «прощай» выключающейся игры стала вспышка солнечного света, отразившегося от белоснежного рога Снежка, и взгляд очнувшейся Лэрри уперся во внутреннюю поверхность крышки капсулы.

Как бывает обычно, возвращение в себя настоящую ознаменовалось легким головокружением и приступом тошноты – сознание, привыкшее к иной реальности, в меру своих сил пыталось адаптироваться к новым условиям. Дождавшись, пока неприятные ощущения сойдут на нет, девушка нащупала пальцами левой руки панель управления, но испуганно замерла, услышав еле слышный шелест сдвигающейся двери:

– У-у-у, какое старье!!! Слышь, Стеффи, ты бы купила девочке ящик посовременнее, а то этот – ровесник моей бабушки!

«Билли!» – узнав ненавистный голос, мысленно взвыла

Лэрри. А через миг, поняв, что чуть было не предстала перед сержантом Морриганом во всей красе, покрылась холодным потом. Тем временем полицейский продолжал высказывать свое мнение по поводу ее игровой капсулы:

– Слушай, а в этом ящике есть хоть что-нибудь, кроме блока интерактивного обучения?

– Там есть все, что нужно! – твердо ответила тетя и попыталась увести Билли из комнаты Лэрри. – Завтрак стынет. Пошли кушать...

Однако сержант и не думал уходить:

– Сколько уже девочке? Четырнадцать? Пятнадцать?

– Семнадцать с половиной.

– И она все еще играет в этом гробу?! Стеффи, да она ведь уже СОЗРЕЛА! Ей нужны не только знания, но и ощущения! Не жмись, купи ей что-нибудь посовременнее: пусть девочка ловит кайф хотя бы в виртуале!

– Я откладываю деньги на полную коррекцию ее внешности... – напредила тетя. – Еще каких-то месяцев пять-шесть – и у Кинни появится лицо, фигура и нормальное счастливое будущее! Со всеми, как ты выразился, ощущениями. А если я куплю ей новую капсулу прямо сейчас, то этого самого будущего ей придется ждать лишние полгода-год! Впрочем, если ты настаиваешь, то давай возьмем что-нибудь посовременнее на те деньги, которые я должна будет тебе заплатить в конце месяца! Согласен?

– Если бы львиная доля этих денег шла мне, а не моему

начальству, я бы согласился не раздумывая! – после небольшой заминки выдал сержант Морриган. Потом, видимо, повернулся лицом к капсуле, так как его голос стал существенно громче: – Ладно, детка, потерпи еще чуть-чуть! Шесть месяцев – это совсем немного. Они пролетят, словно один день, и ты станешь самой прекрасной девушкой во Вселенной!

«Ого, сколько пафоса! – презрительно поморщилась Лэрри. – Прямо не полицейский, а кандидат в президенты...»

Закончив излагать свои мысли, «кандидат в президенты» вдруг вспомнил про стынувший завтрак и, вытолкав Стефани в коридор, собственноручно закрыл двери. По своему обыкновению, не рассчитав силы и саданув створкой по косяку так, что задрожали стены.

«Сила есть – ума не надо...» – мысленно отметила девушка, выждала минуты полторы, потом выскользнула из-под крышки капсулы, быстренько заблокировала дверной замок и отправилась в ванную...

...Как это ни странно, однако, опустившись в горячую воду, покрытую толстым «ковром» из ароматизированной пены, девушка не почувствовала никакого облегчения. Наоборот, ощущение горечи, которое появилось в момент прочтения концовки сонета Шекспира, стало еще сильнее. Не помогла и любимая композиция группы «The Fire», прослушанная четыре раза подряд: несмотря на жизнеутверждающий припев, обычно настраивавший Лэрри на романтиче-

ский лад, настроение стремительно ухудшалось.

Повалявшись в ванне эдак с полчаса и поняв, что справиться с ним не получится, она дотянулась до комм, лежавшего на полочке для косметики, и вывела на большой голоэкран первый попавшийся ролик из семейного архива. А когда увидела улыбающуюся и почти совсем трезвую мать, несущую к столу собственноручно испеченный и украшенный торт, зажмурилась изо всех сил и заревела...

...В момент, когда пусть и дешевый, но совсем новенький «Ангелок», подаренный ей на день рождения, только-только начал снимать начинающееся торжество, Лэрри была почти счастлива. «Почти» – лишь потому, что большая часть души десятилетней девочки истово жаждала самого приятного сюрприза на свете – неожиданного прилета отца. Ну и, конечно же, связанных с его возвращением восхитительных изменений в жизни. А в том, что они будут восхитительными, она нисколько не сомневалась, ибо в тот день еще была уверена, что ее отец – старший помощник капитана тяжелого разведывательного крейсера «Магеллан», отправившегося исследовать просторы Дальнего Космоса. Поэтому, пододвинув к себе тарелку с куском торта, она то и дело поглядывала на голограмму потрясающе красивого мужчины, затянутого в парадный китель ВКС, и мечтала, чтобы он вдруг возник в дверном проеме, ослепительно улыбнулся и негромко сказал: «Привет, девочки! А вот и я! Соскучились?» Увы, в тот день ее мечты так и остались

мечтами. А буквально через год с небольшим, когда Лэрри вдруг взбрело в голову влезть в Сеть и поискать там информацию об этой экспедиции, вообще обратились в прах: оказалось, что «Магеллан» давно уже вернулся, а его старшего помощника, капитана второго ранга Миядзаки Даики, на космодроме встречала жена с двумя детьми. И хотя после долгого и крайне неприятного разговора с матерью она поняла причину, вынудившую последнюю «назначить» отцом дочери единственного более-менее известного офицера-японца, вернуть их отношениям прежнее тепло так и не получилось. Нет, конечно же, изредка что-то такое возвращалось. Например, с середины мая и до конца июля две тысячи двести тридцать второго года мать не пила. Вообще. Поскольку усиленно лечилась прямо на дому. Как тогда считала Лэрри, от профессиональной травмы. И хотя все это время мать не работала, то есть денег катастрофически не хватало даже на еду, ежевечерние разговоры ни о чем постепенно стали доставлять обеим море удовольствия.

Увы, все хорошее когда-нибудь заканчивается: стоило матери снова выйти на работу, как эти разговоры практически прекратились. Да и когда им было общаться, если по утрам, когда Лэрри уходила в школу, мать спала, вечером носилась по квартире, одеваясь и наводя марафет, а возвращалась далеко за полночь? Впрочем, три-четыре дня в месяц они все-таки беседовали. Но и этот период продолжался относительно недолго, уже к концу года мать снова на-

чала пить, а к середине весны следующего года подседа на наркоту...

Услышав звон бьющегося стекла и вспомнив, чем закончился тот «праздник», Лэрри закусил губу и торопливо потянулась к комму. Но не успела. Вернее, успела и дотянуться, и ткнуть пальцем в сенсор выключения. Но 3D-голограмма потухла уже после того, как лицо мамы перекосилось, а с губ сорвалось обидное «с-с-сучка»...

Потоки детского «Шампанского», выплеснувшиеся из разбитого бокала, стремительно преодолели расстояние от относительно целого обломка ножки до края стола и пролились на подол ее белого платья. Оказалось, что одно-разовый наряд, купленный по случаю на какой-то распродаже, не был рассчитан на воздействие столь токсичной жидкости, поэтому в ткани сразу же начали протавить безобразные дыры. Мать, никогда не отличавшаяся особой терпеливостью, мгновенно забыла о том, что у дочери день рождения, и, особо не выбирая выражения, высказала ей все, что думает. А потом, видимо, назло дочери, выключила голограмму с изображением «отца». И ушла «успокаиваться». В ванную. Не забыв прихватить с собой литровую бутылку с дешевым виски...

Смотреть другие ролики расхотелось, поэтому девушка тяжело вздохнула, решительно выбралась из ванны и, наскоро вытеревшись полотенцем, уселась перед пультом управления порядком устаревшего, но еще вполне рабочего «Кутю-

рье». Прикоснулась к сенсору включения, дождалась, пока перед ней задрожит виртуальное зеркало с логотипом компании-производителя, и быстренько ввела в окошко идентификации коротенький пароль.

По дымчатой плоскости пробежали строчки рекламного слогана, после чего перед Лэрри появилась совсем коротенькая череда директорий.

– «Милашка»... – скривив губы, выдохнула Лэрри и, повернувшись к шкафу с бельем, вытащила из нижнего ящика пакетик с «Чистой линией».

Тонюсенький и практически прозрачный комплект поддерживающего белья сразу после надевания повис на теле, как простыня. Тем не менее посылать формообразующий импульс от «Кутюрье» девушка не торопилась. Сначала усеялась на вращающийся стульчик и дала команду начинать.

Манипуляторы косметического комплекса принялись за работу. Первым делом очистили кожу лица специальным составом и придали нужную форму бровям. Затем нанесли make-up primer и тон, откорректировали линию скул и добавили цвет бровям. Добившись нужного эффекта, приступили к макияжу глаз и одновременно занялись губами. Не забывали и о «мелочах» – зафиксировав голову Лэрри, «Кутюрье» аккуратно впрыснул в ее глаза по порции полимера, придавшего радужкам омерзительный коричневато-зеленый цвет; дождавшись, пока девушка откроет рот, наклеил на десны прозрачные наклейки, придавшие лицу некото-

рую одутловатость; чуть позже вставил в ноздри специальные расширяющие кольца и т. д.

Несмотря на то что процесс изменения внешности, согласно модели «Милашка», Лэрри проходила перед каждым выходом из дома, смотреть на свое стремительно уродующееся лицо было неприятно. Еще неприятнее было отдавать последнюю команду. Ту самую, которая задавала силу натяжения компенсирующих лент в подложке формообразующего белья. Однако выбираться под всевидящие объективы СКН без подобной маскировки было бы самоубийством, поэтому девушка в очередной раз собралась с духом, скорее выплюнула, чем высказала, слово «форма» и стоически перетерпела первую вспышку довольно болезненных ощущений.

– Совпадение с заданными параметрами – девяносто семь целых шесть десятых процента! – механически доложил косметический комплекс. После чего сменил тембр голоса на мужской и с придыханием выдал комплимент, сгенерированный донельзя примитивным аналитическим блоком: – Лэрри, ты выглядишь просто потрясающе! Будь я мужчиной – пал бы к твоим ногам со вдребезги разбитым сердцем...

«Угу, потрясающе...» – мысленно усмехнулась девушка, кинула взгляд на свое скособоченное отражение и, чуть приподняв левую ногу, поковыляла в сторону двери, ведущей в ресторан. Отрабатывать официальную зарплату и своим внешним видом подтверждать легенду, скормленную искинам ювенальной полиции...

Глава 7

Роберт Рид

– Заказчик в восторге! – поиграв желваками, нехотя буркнул чем-то очень недовольный Кайман. – Просил передать исполнителю свою искреннюю благодарность за великолепно выполненную работу...

Благодарность заказчика акции меня волновала мало. А вот перепады настроения первого лейтенанта, признаюсь, пугали до дрожи в коленках. И вот такие многозначительные паузы в конце предложения – тоже. Ибо меня, одного из тысяч безвестных «одноразовых» исполнителей, некоторое время используемых Службой Специальных Операций, не списывали в расход лишь благодаря заступничеству Джозефа Симмонса. Нет, безусловно, на протяжении всех девяти с лишним лет службы в корпусе морской пехоты я чуть ли не ежедневно доказывал Большому Начальству, что продление моего существования намного выгоднее превентивного устранения. И что я предсказуем, управляем и абсолютно не болтлив. Однако без молчаливой поддержки куратора я бы прожил от силы года три. Или, согласно очень неофициальной статистике, два года, семь месяцев и четырнадцать дней.

Слава богу, из окончания прерванной фразы выяснилось, что плохое настроение Каймана вызвал не я:

– ...а Марк Эйсис подал очередной рапорт!

Эта новость тоже пугала, но значительно меньше – мой личный психолог, второй лейтенант Эйсис, переведенный на Колдспрингскую базу в декабре прошлого года по протекции высокопоставленного родственника и по просьбе последнего приставленный к исполнителю с наивысшим коэффициентом боевой эффективности, ненавидел меня всеми фибрами души. И не просто ненавидел – он на полном серьезе считал меня наихудшей помесью классического властолюбца²⁵ с миссионером²⁶. А еще был искренне уверен в том, что я представляю серьезнейшую опасность для общества, особенно в преддверии приближающегося увольнения в запас, и просто изнывал от желания отправить меня на тот свет. Причем не «классически», в результате неосторожного обращения с оружием, взрывчаткой, боевой техникой или непрофильного применения спецпрепаратов, а посредством использования электрического стула или смертельной инъекции. Однако его рапорты, автоматически попадающие на служебный сервер кабинета первого лейтенанта Симмонса, обычно там и застревали.

– И что ему не понравилось на этот раз, сэр? – состроив подходящее ситуации выражение лица, поинтересовался я. –

---

²⁵ Властолюбец (он же тиран) – тип серийного убийцы, личность, жаждущая утверждения своего превосходства над беспомощной жертвой и стремящаяся компенсировать насилием ощущение собственной неполноценности.

²⁶ Миссионер – тип серийного убийцы, считающего себя мстителем или судьей, очищающим общество от грязи.

Задание вроде бы выполнено, посторонние лица не пострадали, разрушения городской инфраструктуры минимальны, а КР, по последним данным, застыл в верхней трети требуемого промежутка...

Первый лейтенант постучал по столешнице пальцами правой руки, набрал в грудь воздуха и с большим трудом удержал рвущийся наружу рык:

– Он идиот! Причем клинический!

– Дайте я догадаюсь, сэр! – язвительно усмехнулся я. – Второй лейтенант Эйсис аргументированно доказал, что последняя акция – это одна сплошная сублимация моих патологических желаний?

Кайман с хрустом сжал кулаки и... отрицательно помотал головой:

– Нет. В последнем рапорте этого придурка эта акция упоминается от силы раза три. И то мельком...

Я не поверил. Ведь психолог-истеричка не мог проигнорировать новые доказательства моей абсолютной неадекватности! Не мог, и все.

– Не может быть, сэр! Вы, наверное, прочли не все приложения, ссылки или сноски! Посудите сами – если лидер «Крыльев Сэйлема» погиб практически мгновенно, то его ведомые, сгоревшие заживо, ушли из жизни в адских муках. Кто спланировал взрыв окислителя в баках покоренного флаера «единички», да еще и с такой временной задержкой? Я! Значит...

Кайман уперся ладонями в край столешницы и откинулся на спинку кресла:

– Рапорт Эйсиса посвящен Бойне в Нью-Фриско! По большому счету он представляет собой аналитическую модель, показывающую зависимость количества невинных жертв от типа, веса и места расположения использованного ВВ. Что касается приложений... в них краткие выжимки из досье каждого из погибших, а также голографии их родителей, жен, мужей и детей, оставшихся сиротами!

– Эк его проняло-то, а?! – мысленно поежившись, буркнул я. И решил, что надо чуть обострить ситуацию, дабы получить как можно больше жизненно необходимой информации: – Отправить в корзину ТАКОЙ визуальный ряд, сэр, сможет не каждый. Значит, Большое Начальство вскоре в очередной раз задумается о моем будущем...

Взгляд сэсэошника потемнел. И мне это о-о-очень не понравилось. Поэтому я внутренне подобрался и на всякий случай включил ассоциативно-логический блок.

– О твоём будущем Большое Начальство действительно задумывалось. Причем не один и не два раза... – пристально глядя мне в глаза, сказал первый лейтенант. – А еще снова изучило твоё досье и даже вызвало меня на личную беседу...

Я невольно затаил дыхание.

– Твое устранение признано нецелесообразным и в этот раз... – выдержав о-о-очень длинную паузу, как-то уж очень невесело усмехнулся Кайман. – И знаешь, почему?

– Никак нет, сэр! – основательно покрывив душой, рявкнул я.

– Потому, что девяносто девять процентов своего свободного времени ты тратишь на подготовку к поступлению в Академию Морской Пехоты. И занимаешься этим не только на базе, но и на конспиративной квартире в Питтсбурге, по Шедоу-стрит, сто двадцать два, существование которой ты так изобретательно скрывал от ССО последние семь лет!

– Ну... – начал было мямлить я, но был прерван нетерпеливым жестом.

– Увы, оказалось, что дядя Эйсиса не только занимает весьма серьезную должность в министерстве юстиции, но и обладает весьма обширными связями в самых верхах...

– И что с того, сэр? Я выполняю боевые задачи под грифом АА-3 и выше. Соответственно, если этот самый дядя договорится даже с министром, получить доступ к нашим архивам ему не удастся. А без веских доказательств, как вы понимаете...

– Марк попросил дядю организовать спецпроверку.

– Спецпроверка – дело неприятное... – подумав, признал я. – Но не особо. Ведь пока там, наверху, решат, кто и что будет проверять, можно успеть... многое. Опять же, для того чтобы ее инициировать, нужны очень веские основания.

Первый лейтенант прищурился, потер переносицу и удовлетворенно кивнул:

– Да, времени у нас предостаточно. По нашим расчетам,

порядка трех недель. Кроме того, в связи с тем что второй лейтенант Эйсис нарушил режим секретности и отстранен от выполнения своих обязанностей, у нас появились неплохие возможности для маневра. В общем, если ты перестанешь валять дурака и немножечко поможешь, то мы выкрутимся...

– В каком смысле «валять дурака», сэр?

– Для того чтобы гарантированно прикрыть задницы, нам нужен материал определенной направленности. И по возможности модерируемый. Если еще конкретнее, то нам требуются нормальные человеческие реакции. Твои. Некоторый объем мы уже набрали – подняли записи всех подготовительных фаз проведенных акций, изменили даты и залили соответствующие «обманки» в архивы СУВД, полиции и МВБ. Но получающаяся картина пока еще выглядит крайне неубедительно, и ее надо дополнять. Короче говоря, мне требуются записи, в которых ты развлекаешься. В баре, на пляже, на танцполе и, что самое главное, – тут он подался вперед, уперся грудью в столешницу и, не мигая, уставился мне в глаза, – в постели! Хоть с бабой, хоть с мужиком, хоть с животным, но в ней, понял?!

Намек был понятен. Более чем. Поэтому я скрипнул зубами и на всякий случай опустил взгляд. А Симмонс, словно не заметив моей реакции, продолжил в том же духе:

– Это требование появилось не просто так – мы вскрыли комм Эйсиса, проанализировали выкладки, изложенные в

письме к дяде, и разработали оптимальную стратегию защиты. Говоря иными словами, если мы докажем, что ты абсолютно нормален, то утрутся любые проверяющие. Если нет – будет плохо. Всем...

Предложение звучало логично, и я заставил себя успокоиться – ушел в себя, погонял ситуацию в расчетно-аналитическом блоке, прикинул десяток наиболее вероятных способов выхода из сложившейся ситуации и решил, что с совестью можно будет договориться и в этот раз:

– Что ж, если нужно, значит, уйду в отпуск. Готовить материал. Скорее всего, сегодня же...

...Пострелять вволю и тем сорвать свое плохое настроение на мишенях мне не удалось – не успел я завалиться на полигон, получить патроны и выйти на огневую позицию, как рядом с тренажером снова нарисовался Кайман:

– А скажи-ка мне, парень, что ты тут делаешь? Если мне не изменяет память, мы кое о чем договорились!

– Хотел слегка размяться, сэр! – угрюмо буркнул я. – Вылет рейсового челнока на Рокфорд – в двенадцать часов дня. Собираться от силы минут тридцать. Соответственно, оставшееся вре...

– А куда ты собираешься отправиться после Рокфорда? – чуть успокоившись, поинтересовался Симмонс.

– В Даллас, сэр!

– Почему?

– Во-первых, туда есть прямые рейсы военных бортов,

сэр. Во-вторых, и сам город, и примыкающая к нему территория входят в зону контроля искина двенадцатой полковой авиагруппы третьей дивизии морской пехоты, а значит, в экстремальной ситуации я смогу вызвать *наш патруль* и тем самым гарантированно не попасть на ментоскопирование. Ну и, в-третьих, в штате Новый Техас запрещено ношение любых видов оружия, включая травматическое и холодное, что существенно упроща...

– А то, что на Золотых пляжах толпами шарятся отпускники ВКС, ВМС и Береговой Охраны, жаждущие приключений, тебя не колышет?

– Как говорит подполковник Миллер, сэр, «если морской пехотинец боится соседа по кубику, то чем и как встретит он врага»?

– Хороший настрой, правильный! – ухмыльнулся первый лейтенант и тут же посерьезнел. – В каком образе полетишь, уже решил?

– Да, сэр, – предельно серьезно ответил я. – В своем же. Но только конца пятого года службы.

Взгляд Каймана поплыл – видимо, он решил подстраховаться и влезть в мое досье:

– Та-ак, тогда ты был мастер-сержантом... с девятью военно-учетными специальностями и с семьей имплантатами. А что у тебя было из наград? А, вижу: один-единственный Военно-морской крест, Серебряная звезда, медаль военно-морского флота и корпуса морской пехоты, Пурпурное

сердце...

– Если вы ищете медаль «За выдающуюся службу»²⁷, сэр, то я получил ее позже! – негромко сообщил я.

Симмонс меня не услышал – продолжал копать в инфоблоках и что-то неразборчиво бубнить. Поняв, что он прикидывает другие варианты, я вывел на голоэкран страничку с вариантами условий стрельбы и принялся колдовать с настройками усложнений боевой задачи. Увы, закончить подготовку не успел – минуты через три Кайман свернул мое досье и удовлетворенно хмыкнул:

– Что ж, пожалуй, вариант далеко не худший!

– Значит, я могу продолжить самоподготовку, сэр?! – сдуру спросил я. И тут же пожалел, что открыл рот.

– Никак не уймешься? Что ж, примем меры... Та-а-ак... твои коды доступа в ВИКи... р-раз... и аннулированы! Идентификаторы «дублей»... заблокированы! Доступ к банковским счетам на территории базы... заморожен! Все, Рид, до возвращения из отпуска ты сможешь попасть только в казарму, столовую, терминал ожидания космодрома и в «Чистилище»! Да, ты не ослышался – для того чтобы ты не маялся дурью еще и в отпуске, рекомендую... нет, приказываю пройти процедуру «Всплеск», а уже потом валить в казарму

---

²⁷ Медаль «За выдающуюся службу» – это самая высокая награда ФНС, которую можно получить в мирное время. Ею награждаются за исключительные заслуги в укреплении обороноспособности и безопасности Федерации, причем, как правило, лишь очень высокопоставленные военнослужащие. Наличие этой медали на мундире сержанта-майора – нечто невероятное.

и готовиться к вылету. Вопросы?!

Отказываться от «Всплеска», а также напоминать Кайману о наличии у меня целого букета ВУС²⁸, позволяющих вскрывать большинство как электронных, так и механических замков, было равноценно самоубийству. Поэтому я построил подобающее моменту выражение лица, дождался, пока первый лейтенант закончит меня строить, отдал честь и отправился в медцентр...

...Мое появление на дорожке, соединяющей здание ВТК²⁹ и комплекс зданий медцентра, получилось эффектнее некуда: личный состав второго взвода роты «Браво», возвращавшийся с утренней пробежки под «I Got a Girl in a Mississippi Town», прервал дикий рев, называемый песней, и сбился с шага. Ничего удивительного в этом не было, ибо для любого военнослужащего отдельного разведывательного батальона шестой дивизии морской пехоты Федерации Независимых Систем словосочетание «сержант-майор Роберт Рид» ассоциировалось исключительно со словом «тренировка». И никак не сочеталось со словами «отдых», «безделье» и тем более «прогулочный шаг».

Мазнув равнодушным взглядом по ошарашенным лицам парней, я коротко кивнул в ответ на приветствие штаб-сержанта, «выгуливавшего» это стадо, и продолжил променад. Пока добирался до корпуса «Бета», шокировал еще пару со-

---

²⁸ ВУС – военно-учетная специальность.

²⁹ ВТК – виртуально-тренажерный комплекс.

тен встречных и поперечных, потом вошел в холл, спустился на минус шестой этаж и, пройдя процедуру идентификации, сдался маньякам-яйцеголовым...

Глава 8

Лэрри Акина Болдуин

Когда-то, в далеком и уже почти забытом детстве, самым любимым днем недели Лэрри был понедельник. Именно в этот день ее мать уходила из дому не в час дня, а в половине десятого вечера. Соответственно, успевала и нормально выспаться, и поваляться в ванне с чашечкой дешевого кофе, и посмотреть выпуск-другой любимого шоу. Даже такие немудреные возможности расслабиться и забыть о ненавистной работе, как правило, улучшали ее настроение. Иногда настолько сильно, что женщина устраивала дочери небольшие сюрпризы. Например, могла приехать в школу после второго урока, забрать Лэрри с занятий и отвезти ее в игровой центр для фанаток кукол Wendy. Или после школы полететь не домой, а в ближайший детский парк развлечений и прокатить дочь на каком-нибудь аттракционе. И пусть такие из ряда вон выходящие события случались не так уж и часто, в тот период своей жизни Лэрри ждала каждого понедельника почти так же истово, как возвращения отца. Увы, после смерти матери и переезда к тете Стефани ассоциативный ряд «понедельник – это праздник» быстренько сменился своей диаметральной противоположностью – «понедельник – самый скучный день недели». Ведь именно в понедельник

космодром, рядом с которым располагался ресторан Финчей, работал в авральном режиме. И совсем не из-за недельного пика плотности грузопотока, а потому, что в этот день о космодроме вспоминали Большие Боссы. С девяти утра и до двух часов дня свой офис навещал один из совладельцев «Millennium Inc.» мистер Брайан Дж. Финнеган. В двенадцать тридцать на таможенный пост прибывала бригада проверяющих ОБНОНС³⁰, дабы поучаствовать в осмотре пары-тройки разгружающихся и загружающихся кораблей. А с шести и до одиннадцати вечера в конференц-зале терминала «F» проводилось еженедельное заседание членов независимого профсоюза докеров. В итоге после окончания всей этой нервотрепки желающих промочить горло оказывалось на порядок меньше, чем в другие дни недели. А та часть любителей опрокинуть кружку-другую пива, у которой еще оставались силы «отдохнуть», все-таки вваливалась в «Звездный приют», но «отрывалась» без особого энтузиазма.

Этот понедельник ничем не отличался от десятка предыдущих. Первый клиент, разбитной журналист-фрилансер, по слухам, обитающий где-то на Ковентри-авеню, заявился в ресторан только в начале четвертого. Чем-то здорово загруженный, он заказал стандартный обед, быстренько поел и ушел, причем за это время оторвался от виртуального экрана своего комм только дважды: для того чтобы сделать заказ и расплатиться. Следующим клиентам, решившим пообедать

---

³⁰ ОБНОНС – отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств.

в ресторане Стефани Финч после него, тоже было не до Лэрри – устроившись за любимым столиком, пожилая семейная пара Огилви со Сто четырнадцатой улицы сделала заказ, повесила над столиком голоэкранный телевизор и прикипела взглядами к какому-то слезливому сериалу. Эти, по своему обыкновению, сидели до тех пор, пока не досмотрели все три новые серии, потом расстроено вздохнули, вспомнили о существовании реального мира и, поддерживая друг друга, отправились домой. Слава богу, оставив Лэрри щедрое чаевые.

С момента их ухода и до конца восьмичасовой рабочей смены в «Звездном приюте» было пусто, как на сельском кладбище в полночь. И девушка занималась всякой ерундой. Гоняла робота-уборщика по залу, заставляя беднягу по новой полировать и без того практически стерильные столы и стулья. Ковырялась в базе контрактов с поставщиками, пытаясь еще больше оптимизировать товарооборот. Лазила по Сети в поисках рецептов дешевых блюд, не требующих использования нестандартных компонентов. А еще загружала их в память киберповара, корректировала меню и т. д.

Появление сонной тетушки встретила с несказанным облегчением – вскочила на ноги, а когда левая нога, которую она умудрилась отсидеть, подогнулась, судорожно вцепилась руками в стойку бара и виновато улыбнулась:

– Добрый вечер, Стефани! У нас все тихо и споко...

– Да не вскакивай ты так! – поморщилась тетка. – Чай не чужая.

– Дневная выручка соста...

– Какая может быть выручка в понедельник днем? – жестом заставив ее заткнуться, саркастически поинтересовалась Финч. Потом добралась до ресторанного комм, коснулась сенсора своим коммом и четко произнесла: – Лэрри Акина Болдуин. Сегодняшняя смена зачтена. Можешь быть свободна.

Уступив «хозяйке» рабочее место, девушка кое-как выбралась из-за стойки. А уже минут через пять, ворвавшись в ванную, стянула с себя поддерживающее белье и с облегчением выпрямилась:

– Фууу...

– У тебя был тяжелый день? – участливо поинтересовался «Кутюрье». – Как насчет расслабляющего массажа под инструментальные композиции от «Sweet Dreams»?

– Соблазнительно, но нет... – встав на цыпочки и изо всех сил потянувшись пальцами рук к потолку, выдохнула девушка. – После восьми часов в скрюченном состоянии мне требуется хорошая тренировка!

– Что ж, если что – то ты знаешь, где меня искать... – пошутил искин косметического комплекса и, дождавшись, когда Лэрри усядется перед его «зеркалом», принялся удалять с ее лица и шеи уже ненужный макияж...

Универсальный тренажерный комплекс «Титан», на котором когда-то занимался дядя Энди, комплиментов не при-

знавал. Стоило Лэрри перешагнуть порог зала, как мгновенно включившийся искин язвительно фыркнул:

– Ну, и чего ты скрючилась, как отжившая свой век старушка? Разверни плечи, выстави вперед грудь и марш разминаться!

Спорить с тренером, пусть и виртуальным, себе дороже, поэтому девушка послушно скорректировала осанку, встала перед загоревшимся голоэкраном и принялась повторять движения своего зеркального двойника.

Как бывало обычно, первые минуты три-четыре искин тренажера, автоматически подключившийся к медблоку комма Лэрри, «играл» с интенсивностью нагрузок. А когда нащупал оптимальный режим, начал поддавать жару. В результате уже к концу разминки девушка основательно разогрелась, а к концу четвертого подхода на тяге блока сверху поняла, что до конца тренировки просто не доживет. Тем не менее выкладывалась по полной – четко фиксировала положение корпуса, тянула перекладину спиной, а не руками и дышала так, как положено.

Ее старания были оценены достаточно высоко. Балла на четыре. С минусом. Чем, учитывая невероятную придирчивость «Титана», можно было гордиться.

– Ну-у-у, для такой дохлятины, как ты, неплохо.

– Стараюсь изо всех сил! – довольно улыбнулась девушка и, отдохнув положенные сорок секунд, перебралась на тренажер для гиперэкстензии.

– Для особо непонятливых: мы качаем спину, а не ягодички! – напомнил искин, как только увидел, что она заняла исходное положение и скрестила руки на груди. – Работаем только поясницей, корпус выше горизонтали не поднимаем и не используем инерцию движения!

Мог бы и промолчать – это упражнение Лэрри нравилось, поэтому она всегда делала его со всем возможным тщанием.

– Три подхода по сорок повторений с полуторасекундной фиксацией в верхней точке! Поехали!

Во время первого подхода «Титан» не вмешивался – только контролировал технику выполнения упражнения да считал. Зато с самого начала второго стал проявлять свой гнусный нрав: при повторении на пятом металлопластовая полоска, вшитая в тренировочный топик на уровне лопаток, начала ощутимо тяжелеть. На пятнадцатом-двадцатом, по ощущениям Лэрри, локальное изменение гравитации соответствовало дополнительному грузу килограммов в десять-двенадцать. К середине третьего десятка нагрузка выросла еще процентов на пятьдесят. Ну а последние пять повторений пришлось разгибаться практически только на силе воли.

– Достойно, однако... – прокомментировал искин ее старания. А в третьем подходе загрузил так, что девушка взвыла.

Впрочем, ее возмущенный вопль был привычно проигнорирован: «Титан», оценивающий реальное состояние трети-

руемого организма через медицинские датчики комма, считал, что нагрузка продолжает оставаться оптимальной. Поэтому продолжал измываться.

– Слушай, железяка, я девушка, а не погрузочный робот!!! – оклемавшись после гиперэкстензии, воскликнула Лэрри. – Имей хоть чуточку совести!!!

– Совести у меня нет. Зато я могу озвучить ту самую фразу, которую ты озвучила Энди Финчу в тот день, когда вы выбирали сложность самого первого цикла тренировочных программ: «Красота – дело десятое: главное – сдать вступительные экзамены по физподготовке!» Помнишь такую?

– Да, но...

– Ты что, передумала поступать?

– НЕТ!!!

– Тогда сожми зубы и работай! И вообще, время отдыха уже вышло! Упражнение «Подъем таза, лежа на полу». Три подхода по сорок повторений. Начали...

...К концу тренировки и топ, и шорты, и белье, в которых занималась Лэрри, пропотели насквозь, а она сама еле стояла на ногах. Тем не менее на дорожку она забралась без понуканий. И, постепенно ускоряясь, рванула по привычной трассе: выбежала из дому, свернула на Грин-лейн, птицей перелетела через пешеходный переход над двадцать шестой, вынеслась на беговую дорожку, выющуюся вдоль Сансет-Бич, и с наслаждением почувствовала кожей лица первый порыв пахнущего морем ветра.

Ее старенький «Марафонец» сегодня работал как точнейшие часы: на обложке журнала, кем-то «забытого» на одном из столиков придорожного кафе, были видны даже мелкие буквы в названии, на клумбах вдоль бульвара вместо разноцветных пятен прорисовались разнообразные цветы, а в одежде отдыхающих стала чувствоваться индивидуальность. Невесть чему обрадовавшись, девушка чуть добавила скорости. И совершенно не зря: на восьмой минуте, когда ее не без труда обогнал Мак-Алистер, она с наслаждением уставилась на предмет вожеления чуть ли не всей слабой половины человечества – круглые, твердые даже на вид, ягодицы, сочно перекатывающиеся под обтягивающими их эластичными спортивными штанами.

«М-да, хороша... – налюбовавшись задницей № 1 обитаемой части Вселенной, подумала девушка. Потом перевела взгляд чуть выше и неожиданно для самой себя поморщилась: – А вот спина, пожалуй, узковата. У Даррена Дэниэлза, лайнбекера³¹ „Алабама Дэвилз“, она шире раза в два!»

Словно почувствовав ее недовольство, Лесли Ураган нарастил темп и попробовал оторваться. Но не тут-то было: Лэрри без особого труда подхватила предложенный темп и продолжила удерживать ту же дистанцию.

По сторонам поглядывала без особого интереса, но заметила, что искин тренажера тут же скорректировал програм-

---

³¹ Лайнбекер (от *англ.* Linebacker) – в американском футболе защитники-универсалы.

му визуализации. Мегги Торнтон, обычно просто открывавшая рот при виде бегущей «парочки», на этот раз уронила мороженое и основательно испачкала подол новенького платья. Девушка из кафе «Летний Бриз», явно прошедшая курс пластической коррекции под модную певицу Диту Энгельгард, увидев пробегающую мимо звезду, опрокинула чашечку кофе. А жеманный парень из открытого спортивного «Торнадо», не справившись с управлением, чиркнул обтекателем о краешек тротуара...

В самом конце пробежки настроение поднялось настолько сильно, что Лэрри решила похулиганить – обогнала своего кумира, чуточку погордилась собственной крутизной и почти сразу же свернула на второстепенную Черри-роуд. После чего прикоснулась ладонью к сенсору деактивации тренировочного режима и выключила изображение.

– Установлен личный рекорд. Ты пробежала дистанцию на сорок две секунды быстрее, чем когда-либо! – сообщил «Марафонец». – Произвожу программную коррекцию твоих возможностей...

– Вот спасибо! – кое-как переведя дыхание, язвительно ответила ему девушка. – Это значит, что в следующий раз мне придется выкладываться еще сильнее?

– Естественно! – подал голос «Титан». – Иначе зачем ты тренируешься?

– Злые вы. Уйду я от вас... – вздохнула Лэрри, спрыгнула с замедляющейся дорожки и, на ходу стягивая насквозь

мокрым топ, двинулась в сторону ванной комнаты.

– Вот так всегда... – сварливо пробурчал искин универсального тренажера. – Никакой благодати...

– Внимание, внимание!!! – перебил его встревоженный голос искина системы безопасности ресторана. – Обнаружено несанкционированное вторжение во внутреннюю сеть! Рекомендуются немедленно уведомить соответствующий отдел районного департамента полиции и снять программные ограничения на обмен информацией с сервером компании «ITRS»!

Подобного рода вторжения происходили по три-пять раз на дню, поэтому Лэрри даже не замедлила шаг. И, уже выходя в коридор, лениво поинтересовалась:

– Ориентировочная степень опасности вирусной атаки?

– Восемь и три... – так же лениво ответил искин. А секунд через пять уточнил: – Вернее, девять и две десятых...

– Ну, и стоило так напрягаться? Справишься без посторонней помощи! – фыркнула девушка, прошла по коридору и ввалилась в ванную.

Искин промолчал. Ибо знал, что решения Лэрри не изменит ни подробное перечисление всех проигнорированных законов штата, ни сумма штрафа, который придется платить в случае, если эти нарушения все-таки всплывут, ни мольбы, обращенные к ее гражданской совести.

Удовлетворенно усмехнувшись, девушка стянула с себя шорты и трусики, распустила волосы и шагнула в прозрач-

ную пластиковую кабинку.

Прикосновение к сенсорной панели, пара мгновений на активацию предустановленных настроек режима – и из сотен мелких форсунок брызнули тугие струи горячей воды.

– Какой кайф... – простонала Лэрри, покрутилась вправо-влево, затем закрыла глаза и запустила пальцы в основательно потяжелевшие волосы.

Увы, получать удовольствие от водных процедур удавалось недолго – стоило девушке расслабиться, как ожили динамики акустической системы:

– Степень опасности вирусной атаки – четыре и две десятые! Поправка: три и семь! Поправка: два и четыре!! Поправка: один и один!! Ноль восемь!!! Ноль два!!! Ноль один!!! Ноль!!!

Доклады сменяли друг друга так быстро, что к моменту, когда прозвучало слово «ноль», девушка еще пребывала в прострации. Впрочем, недолго – решив, что она не реагирует, так как ушла в себя и не слышит, искин системы безопасности перехватил управление над простеньким процессором душевой кабинки и подал в форсунки ледяную воду.

– Степень опасности вирусной атаки – ноль целых, ноль десятых! Возможность выхода в сеть заблокирована извне! Перехожу в параноидальный режим!!!

– Ты что, сдурел?! Я же не глухая!!! – выпрыгивая из кабинки, проорала Лэрри и, на ходу обтираясь попавшимся под руку халатом, метнулась к «Кутюрье». – Ну, включайся

же ты, тупость электронная!!!

Виртуальное зеркало появляться и не подумало!

– Мощности всех имеющихся процессоров задействованы в полном объеме... – деловито забубнил искин системы безопасности.

– Вруби «Кутюрье», дурень! Я не могу предстать перед полицейскими такой, какая есть на самом деле!! Ну же!!!

«Зеркало» развернулось практически мгновенно и отразило в себе силуэт, вытаскивающий из шкафа очередной пакет с «Чистой линией», торопливо разрывающий одноразовую упаковку и натягивающий на себя поддерживающее белье.

– «Страшил»! И максимально быстро!!!

Услышав не особенно часто употребляющуюся команду, косметический комплекс выстрелил чуть ли не всеми манипуляторами сразу. Первые четыре, метнувшись к голове девушки, намертво зафиксировали ее в пространстве, а остальные, порою размазываясь в воздухе от скорости, начали создавать требуемый образ.

– Отражение к черту! Связь со Стефани! – приказала Лэри сразу после того, как старательный «Кутюрье» наклеил на десны прозрачные наклейки и оставил в покое ее нижнюю челюсть.

– Она разговаривает с клиентом! – сообщил искин. – Я отправил на ее комм тревожный сигнал минуту и двенадцать секунд назад, однако она не отреагировала.

Девушка поморщилась:

– Покажи-ка мне и ее, и клиента!

В «зеркале» немедленно протаяли два окна. Первое показало чем-то очень недовольную тетушку, замершую у шестого столика, подобно солянному столпу, а второе – ослепительно улыбающегося молодого и очень коротко стриженного парня лет двадцати двух.

– Дай звук! – быстренько оценив стоимость одежды уха-жера и его возраст, потребовала Лэрри.

– ...итительны! За одну благосклонную улыбку я готов бросить к вашим ногам всю Вселенную! Да что там Вселенную – я готов измениться сам! Причем именно так, как будет угодно вам, моя королева!

«...а если скажете, что готовы измениться сами, то не устоит ни одна!» – неожиданно вспомнила девушка фразу, услышанную во время серфинга по сайту Сэмюеля Дилэйни, и похолодела:

– Покажи его левое ухо! Крупным планом! Быстрее!!!

Требуемое возникло в третьем окне. И не с самого удачного ракурса: чуть сверху и сбоку. Но буквально через секунду парень чуть склонил голову к правому плечу и дал Лэрри возможность полюбоваться и на аккуратную мочку, и на болтающееся под ней замысловатое украшение.

– Увеличь серьгу! – хрипло попросила девушка. Но дожидаться выполнения команды уже не успела: голова парня резко сдвинулась вперед, за пределы экрана, и события по-

неслись кувырком.

Первым делом мигнуло «зеркало». То есть сначала пропали все три окна, а затем на их месте появилось аварийное. Дающее изображение не с обычной, а с одной из резервных камер, установленных в большом зале. Затем обе фигурки на мгновение слились в одну, и та, что повыше, вдруг метнулась в сторону выхода, а та, что пониже, начала оседать на пол. Еще через мгновение здание ресторана содрогнулось, где-то за окном завывли сирены системы оповещения при экстренных ситуациях, а из динамиков акустической системы раздался сухой и абсолютно бесстрастный голос искина:

– Судя по показаниям медицинских датчиков лично-го комм Стефани Финч, она только что получила повреждения, несовместимые с жизнью. Расчетная вероятность успешной реанимации менее одного процента! Повторяю...

– Это сюрвайвер...³² – выйдя из ступора, одними губами произнесла девушка. А потом поняла смысл прозвучавшей фразы и вырвалась из захвата манипуляторов: – Что?!

– Возможности имеющегося в ресторане дроида экстренной медицинской помощи заблокированы вирусом. Связь с экстренными службами – тоже...

– Но ты ведь только что взорвал энергетическую подстанцию, значит, ближайший флаер полиции уже на подлете!

– Если отталкиваться от среднестатистического трафика на скоростных магистралях, прилегающих к зданию ре-

---

³² Сюрвайверы (от *англ.* Survival) – выживальщики.

сторана, и от известных маршрутов передвижения патрульных экипажей полиции, можно сделать вывод, что помощь прибудет не раньше, чем через четырнадцать минут! А если убийца перепрограммировал ближайшие датчики СУВД...

– А я?! Я ведь могу помочь, правда?! – сглотнув подступивший к горлу комок, спросила девушка.

Искин сделал небольшую паузу, словно собираясь с духом, а затем негромко сказал:

– Увы, нет: лезвие ножа пробило левый глаз, затем мозг и остановилось, только уперевшись в заднюю стенку черепа...

Глава 9

Роберт Рид

Разгонный бот «Каракатица» с батальонного космодрома опустил на крышу казармы ровно в одиннадцать сорок. А уже через семнадцать минут, от души попетляв по хитро-сплетению воздушных коридоров базы, лихо спикировал к тяжелому грузовому «Thunderbird», замершему на посадочной пятке, и предупредительно распахнул передо мной десантный люк.

«Ну что ж, пора...» – мысленно буркнул я, подхватил с соседнего сиденья рюкзак и спрыгнул на пластобетон.

– Слышь, сардж, ты че такой мрачный? Ты ж вроде не на губу, а в отпуск собираешься! – сочувственно поинтересовался молодой темнокожий парнишка в комбинезоне техника по загрузке, отирающийся рядом с аппарелью.

– Не выспался... – угрюмо буркнул я первое, что пришло в голову.

– А-а-а, так еще, небось, и головка бо-бо?! – непонятно чему обрадовавшись, спросил он.

– Ну, есть немного.

– Могу предложить патентованный «Клоидекс-М». Дороговато, правда, зато поможет наверняка. А если у тебя на счету завалилась лишняя сотня кредитов... – оценив стои-

мость моей «гражданки», продолжил он, – то и настоящий хайланд-флинг! Если ты, конечно, знаешь, что это такое.

О традиционном шотландском средстве, используемом для борьбы с похмельем, я слышал не раз от соседей по казарме, но в принятии его на грудь не нуждался. Поэтому поблагодарил техника за предложение, закинул рюкзак на плечо и шагнул на аппарель.

– Ну, как знаешь... – расстроено буркнул парнишка, затем схватился за клипсу служебного переговорника, закрепленную на левом ухе, на некоторое время завис, после чего сварливо добавил мне вдогонку: – Так, давай-ка, шевелись чуть порезвее – до взлета чуть больше двух минут, а ты еще не в «люльке»!

В каком режиме обычно взлетают военные борта, я знал более чем хорошо. Поэтому прибавил шаг, протиснулся в узкий проход между намертво принайтованным планетарным танком «Леон-Абрамс-616» и манипулятором погрузочного комплекса, перешагнул через направляющий рельс, добрался до первой попавшейся индивидуальной ячейки, в темпе затолкал рюкзак в оружейный ящик и рухнул на сиденье. Вовремя: не прошло и минуты после фиксации замков привязных ремней, как ожило бортовое радио и голосом командира корабля пожелало пассажирам доброго пути:

– Хе-хе, девочки, добро пожаловать в ад!

Как ожидалось, перелет до Рокфорда прошел в теплой и дружественной обстановке. В смысле, температура воздуха

в грузовом трюме, конечно же, «совершенно случайно», не падала ниже тридцати пяти градусов по Цельсию, а экипаж «Thunderbird» в лице знакомого мне техника, периодически пробегающего мимо «люлек», честно пытался угодить всем и каждому. Конечно же, не бесплатно: скажем, самое обычное средство от тошноты, продающееся в любом супермаркете по полкредита за пачку, на борту транспортника стоило десятку. Предложенный мне «Клоидекс-М» – целый четвертак. Пластиковый контейнер с едой – полтинник. А бутылка дрянного виски «Джек Дэниэлс» – целых полторы сотни! Что интересно, несмотря на о-о-очень завышенные цены, торговля шла довольно бойко, благо покупателей было предостаточно. Например, компания из двенадцати коротко стриженных парней в «гражданке» активно отмечала первые часы отпуска и периодически требовала спиртного. Двое рядовых первого класса, судя по форме одежды, летящих в увольнение и основательно «напраздновавших» еще накануне, втихаря похмелялись хайланд-флингом. Правда, при этом старательно изображали трезвенников, дабы не действовать на нервы троице младших капралов, сопровождающих бронетехнику и поэтому ненавидящих тех, кто имел полное право употреблять недоступное им спиртное. Ну а сами капралы, страшно потев в полном боевом облачении, вынужденно сублимировали желание надраться, уминая суши и запивая их безалкогольными напитками. Ну, и для полного счастья – все вышеперечисленное пассажирам военного

борта приходилось делать в экстремальном режиме, то есть при постоянной смене вектора ускорения, величины крена и т. д.

А вот на пассажирском лайнере «Катти Сарк», на который я пересел в Рокфорде, все было с точностью до наоборот. Цены в обширнейшем меню гражданской машины, стоящей на балансе ВС ФНС, ни на кредит не отличались от цен в армейских столовых. Заказы доставлялись не техником по погрузке, а молоденькими, довольно симпатичными и очень доброжелательными стюардессами. Ну а сам среднемагистральный лайнер, совершающий регулярные рейсы в Даллас и обратно, разгонялся и маневрировал так, как будто перевозил не военных, а VIP-персон.

Его пассажиры вели себя соответственно. То есть если пили, то в меру. Если обращались к девушкам, то крайне корректно и с улыбками на лице. Если вставали с кресел – то исключительно для того, чтобы дойти до туалета и вернуться обратно. Само собой, сие благолепие объяснялось отнюдь не воспитанностью перевозимого контингента, а тем, что на борту транспорта не было ни одного квадратного метра, не просматриваемого системами наблюдения и контроля военной полиции.

Перелет в таких рафинированных условиях должен был стать скучным до безобразия, поэтому, как только лайнер набрал высоту, я влез на сайт Далласского филиала корпорации «Genetica», нашел страничку эскорт-услуг и, мрачно

оглядев трехмерные голографии наиболее востребованных красавиц, завис над стандартной формой выбора. Нет, первые шаги – определение верхней и нижней границы возраста, а также требуемый пол модели – я определил сразу. А вот с цветом кожи, ростом, весом, цветом глаз, требуемыми «навыками» и еще сотней-другой параметров получалось как-то не очень. Если я во всех полях выбирал слово «несущественно» и нажимал на сенсор «показать», то программа начинала предлагать мне дамочек из серии «столько не выпить даже под страхом смерти». А если начинал умничать, отсекая все «лишнее», то в голографиях красавиц обязательно находил хоть какое-то сходство с Дайаной. В итоге, промучившись больше часа, но так и не определившись с выбором, я быстренько вбил в форму параметры, соответствующие внешности Эмми Вонг, кинул взгляд на одиннадцать однотипных голографий и, сглотив, вырубил сайт к чертовой матери. Почему? Да потому, что за полтора месяца подготовки покушения на сенатора Жиффара-Пресли виртуальная личность моей «штатной любовницы», размещенная на сервере компании-прикрытия ССО, успела осточертеть до крайности.

«...если мы докажем, что ты абсолютно нормален, то утрутся любые проверяющие. Нет – будет плохо. Всем», – мысленно повторил я, затем кинул взгляд на световое табло, на котором загорелось сообщение о том, что лайнер начинается снижение, и в сердцах пробормотал:

– Докажу. С той, кого бог пошлет...

...Бог услышал и послал. Не меня, а мне. Что особенно приятно, через считанные минуты после посадки. Правда, довольно своеобразно: не успел я выйти в зал прилета, как ко мне навстречу шагнула невысокая – эдак метр пятьдесят в прыжке с вытянутыми руками – девица с огненно-рыжими волосами. Восхищенно оглядев меня с ног до головы, она плотоядно облизнулась и развернула хрупкие плечики. Скорее всего, для того, чтобы натянувшаяся ткань практически прозрачной маечки еще нагляднее продемонстрировала мне небольшую, но крепкую грудь с крупными темно-коричневыми сосками. И заодно лишила остатков иллюзий.

– Вау, парень, а ты нам нравишься! – радостно сообщила она и плотоядно облизнулась.

Как оказалось, местоимение «нам» относилось отнюдь не к продемонстрированным достоинствам: буквально через секунду после того, как пигалица озвучила эту фразу, рядом с ней нарисовалась девица повыше.

В отличие от первой, относившейся к категории «хорошенькая», эта выглядела настоящей красавицей – угольно-черные волосы, породистое, со вкусом накрашенное лицо, умопомрачительная фигура, подчеркиваемая грамотно подобранной одеждой. И... взгляд, в котором, кроме безграничной уверенности в себе, присутствовала такая же безграничная чувственность.

Подтверждать или опровергать слова подруги черноволосая сочла лишним – шагнула вперед, оценивающе пощупала

мой правый бицепс, затем ткнула кулачком в грудную мышцу и игриво провела пальчиком по животу.

«*Будет плохо. Всем...*» – мысленно напомнил себе я и, удушив приступ бешенства, остался на месте.

Невесть как почувствовав, что я все-таки решил продолжить процесс знакомства, девушка довольно улыбнулась и потрогала шрам на тыльной стороне ладони, попробовала обхватить пальчиками запястье и повела пальчик вверх по предплечью, видимо, собираясь пощупать бицепс. Но не довела – когда ее ноготок приподнял рукав гавайки и открыл взгляду сгиб локтя, черноволосая вдруг прикипела взглядом к еле заметному треугольному пятнышку над веной. А через миг уставилась мне в глаза взглядом, в котором вдруг появилась воистину безумная похоть! Что интересно, она не играла: ее зрачки расширились, ноздри затрепетали, губки враз пересохли, а кожа шеи и лица ощутимо покраснела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.